

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность
_____
(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Оперативно-розыскная деятельность
_____
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Понятие, правовое, нравственное и психологическое значение судебной речи»

Обучающийся

О.Ф. Идиатулина

_____
(Инициалы Фамилия)

_____
(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, М.Ю. Жирова

_____
(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

В данной работе рассматриваются актуальные вопросы судебной речи в реалиях современного судебного процесса. В целях выявления современных тенденций развития данного института, проведён историко-правовой анализ, выявлены основные исторические этапы развития отечественной школы судебной речи.

Сделан вывод о том, что на современном этапе, судебная речь не утратила своё значение, однако в современном научном сообществе, а также в среде практикующих юристов, данному многогранному правовому явлению уделяется незаслуженно мало внимания.

По результатам проведённого анализа, предложено собственное понимание судебной речи, рассмотрены особенности её правового регулирования, а также содержания различных видов судебных речей, таких как, обвинительная, защитительная речи, речи иных участников судебного процесса, особенности судебных речей по делам, рассматриваемым с участием суда присяжных заседателей, а также по делам о преступлениях, совершённых несовершеннолетними. По результатам проведённого анализа законодательства, разработаны предложения по внесению изменений в ряд нормативно-правовых актов, в целях устранения существующих пробелов и противоречий правового регулирования.

Структура работы определяется ее актуальностью, целями, задачами, объектом, предметом, и методом.

Работа состоит из трёх логически связанных между собой глав, введения, заключения и списка используемой литературы и используемых источников. Главы разделены на параграфы, позволяющие акцентировать внимание на отдельных проблемах в рамках рассматриваемого вопроса.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика судебной речи	7
1.1 История судебной риторики	7
1.2 Понятие, признаки и значение судебной речи	16
Глава 2 Содержание судебной речи в условиях проведения прений сторон .	26
2.1 Обвинительная речь: понятие, содержание, значение. Особенности речи государственного обвинителя при отказе от обвинения	26
2.2 Речь защитника. Виды защитительных речей	35
2.3 Речи иных участников судопроизводства.....	43
Глава 3 Особенности судебных речей сторон в отдельных судебных производствах.....	52
3.1 Особенности выступления сторон в суде с участием присяжных заседателей.....	52
3.2 Особенности прений сторон по делам о преступлениях несовершеннолетних.....	59
Заключение	67
Список используемой литературы и используемых источников	70

Введение

Актуальность темы исследования обусловлены несколькими факторами. Исторически значение судебной речи и её влияние на результаты судебного процесса видоизменялось. В частности, это касается античного и древнеримского периода, когда судебные процессы разрешались на основе вердикта представителей общественности. В эти периоды значение судебной речи и риторики в целом имели колоссальное значение. Не являлся исключением и период зарождения отечественной адвокатуры во второй половине XIX столетия, когда в судебных процессах в присутствии присяжных заседателей проходили «жаркие» дебаты между защитниками и представителями государственного обвинения. В советский период значение судебной речи и риторики в целом значительно уменьшилось в части формирования убеждения судьи и других участников процесса. Судебная речь была призвана в большей степени правильно, логично и последовательно изложить перед судьёй и другими участниками процесса правильность собственной позиции, основываясь на фактических обстоятельствах дела и имеющихся доказательствах. По этой же причине, в значительной степени, теория судебной риторики практически не получила развитие в советский период.

Однако в современной России вопрос о значении и роли судебной речи, судебной риторики так и не разрешён. Безусловно, возрождение суда присяжных в современной России возрождает и значение самой судебной речи, риторики как искусства убеждения в правильности своей позиции присяжных заседателей. Кроме того, сам факт того, что многие десятилетия судебной речи предавалось второстепенное значение, говорит о том, что её потенциал и влияние на достижение результата в судебном процессе, во многом забыт и не учтён.

Таким образом, актуальность избранной для исследования темы обусловлена необходимостью переосмысления роли и значения судебной речи

в современной России, совершенствование её теоретических и правовых основ.

Степень научной разработанности темы находится на относительно невысоком уровне. В частности, можно выделить диссертационные исследования Л.А. Потапова 2006 года на тему «Защитительная речь адвоката в отечественном уголовном процессе», М.А. Шелоумова, проведённое в 2008 году на тему «Профессиональная деятельность адвоката в России во второй половине XIX - начале XX веков: на примере практики присяжного поверенного Н.П. Карабчевского», исследование 2009 года С.А. Казакова на тему «Участие адвоката - защитника в состязательном процессе: на примере суда присяжных», М.А. Мазуренко 2012 года (Судебные речи российских адвокатов по уголовным делам и их правовые публикации как феномен общественного правосознания и юридической мысли в пореформенной России : 2-я пол. XIX - нач. XX вв.) и Е.Г. Самохина 2013 года на тему «Генезис аргументативной теории права: Х. Перельмана».

Основная часть вышеперечисленных исследований посвящена либо вопросам развития судебной речи в определённые исторические периоды (вторая половина XIX – начало XX века), либо защитным речам адвоката в уголовному процессе. Фактически отсутствуют фундаментальные исследования посвящённые вопросам судебных речей государственного обвинителя, судебных речей (судебной риторики) судебного процесса в целом (не только уголовного). Таким образом, отсутствие достаточного количества исследований в данном направлении также обуславливает актуальность избранной для исследования темы.

Объектом исследования выступает судебная речь.

Предметом исследования выступают правовые, нравственные и психологические основы риторики в современном судебном процессе.

Целью исследования выступает комплексный анализ правовых, нравственных и психологических основ судебной речи.

Для достижения поставленной цели, необходимо выполнить следующие задачи:

- проанализировать историю судебной риторики;
- определить понятие, признаки и значение судебной речи;
- охарактеризовать обвинительную речь, её понятие, содержание и значение;
- охарактеризовать речь защитника и виды защитительных речей;
- проанализировать речи иных участников судопроизводства;
- охарактеризовать особенности выступления сторон в суде с участием присяжных заседателей;
- исследовать особенности прений сторон по делам о преступлениях несовершеннолетних.

Теоретическую основу исследования составили труды таких учёных, как С.В. Володина, Т.Ю. Виноградова, Т.В. Губаева, С.И. Герасимов, Н.Н. Ивакина, С.А. Каракозов, Н.В. Крыленко, М.А. Мазуренко, Л.А. Потапова, А.И. Рарог, Е.Г. Самохина, В.И. Хорькова, М.А. Шелоумов, С.Ю. Якушин и др.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданско-процессуальный кодекс РФ, Арбитражно-процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ, ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» и другие нормативно-правовые акты.

Структура исследования обусловлена поставленными целями и задачами и состоит из введения, основной части разделённой на три главы и девять параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика судебной речи

1.1 История судебной риторики

Отечественный опыт судебной риторики, безусловно, уникален. Однако необходимо понимать, что такой опыт не вырван из контекста общемировой истории развития судебной риторики, что обуславливает необходимость обращения к истокам её зарождения. Риторика, в т.ч. судебная риторика как отдельное искусство, по известным данным, зародилось в античный период. Отдельными учёными даже указывается, что основные концептуальные понятия судебной риторики были разработаны именно в античный период и по большому счёту, сохранились до наших дней без существенных изменений [4], [51, с. 148].

Отмечается, что структурообразующим фактором образования античной судебной риторики выступили системы судопроизводства, функционирующие в Древней Греции и в Древнем Риме. Первым значимым историческим периодом с которого можно говорить о зарождении судебной риторики в Древней Греции, является введение суда гелиастов в демократических полисах. Отмечается, что «наибольшего расцвета суды гелиастов достигли к V в. до н. э., сосредоточив в своих руках почти все гражданские и уголовные дела. Гелиастом мог стать любой полноправный гражданин полиса, достигший тридцатилетнего возраста» [50, с. 231].

Особенности суда гелиастов заключались в том, что его модель не предполагала участие государственного обвинителя либо защитника (адвоката). Их роль выполняли сами граждане. Соответственно, инициатива в проведении «судебного заседания» исходила от стороны, которая считала свои права нарушенными. Соответственно, призванный «к ответу» гражданин самостоятельно был вынужден формировать стратегию защиты от выдвинутого ему обвинения. Большое и зачастую решающее значение придавалось самой речи как способу донесения информации до

присутствующих в судебном заседании. Победа в «полемике» с противной стороной, в большинстве случаев означала и победу в судебном споре. Это обстоятельство естественным образом породило спрос на услуги по составлению судебной речи. Такие услуги предоставлялись логографами. Учёные отмечают, что судебные речи того периода «изобиловали доводами к пафосу и этосу. Горгий вводит в судебную речь симметрично построенные фразы, получившие название горгиевых фигур. Лисий часто использует повторы, является мастером психологического портрета, закладывает композиционные основы судебной речи. Исократ известен как один из создателей риторических периодов. Демосфен мастерски пользуется градацией, метафорой, риторическим вопросом, а для достижения максимальной выразительности – пантамимикой. Софистические риторические школы разрабатывают систему ораторских упражнений в виде прений по вымышленным судебным делам» [50, с. 231].

Стоит отметить таких выдающихся древнегреческих мыслителей, как Платон и Аристотель. Также, учёные отмечают, что особое влияние на судебную риторику того периода оказали философские диалоги Платона в которых акцентировалось внимание на сократической диалогической форме ведения полемики. Особенностью Платона также было систематическая и последовательная постановка вопросов в целях максимального сближения позиций участников диалога. Применённый подход в последующие исторические периоды использовался как основа для стиля аргументации в судебных диалогах между истцом и ответчиком, прокурором и защитником. Аристотель в своих трудах акцентировал внимание на т.н. аналитическом доказательстве, делит их на искусственные и неискусственные. В качестве важных компонентов убедительной речи Аристотель акцентирует внимание на воздействии на эмоциональную природу человека, его страсть и выборе подходящего для этого ораторского стиля [8, с. 12].

Указывается также, что преемником древнегреческой ораторской школы являются представители и римского судебного красноречия. Периодом

расцвета и развития судебной риторики в Древнем Риме является конец республиканского периода его истории.

Так, можно указать на «постоянные суды» (название на латинском языке - *quaestiones perpetuae*) которые были учреждены в 149 году до н.э. императором Кальпурнием, как способ решения проблемы злоупотребления чиновников в провинциях. Персональный состав суда формировался из числа сенаторского сословия, при этом, как у стороны обвинения, так и у стороны защиты существовала возможность отклонения кандидатуры выбранного сенатора. Таким образом, во-первых, состав суда формировался из числа тех сенаторов, которые были приемлемы для обеих сторон судебного процесса. Во-вторых, обращает на себя, внимание специализация судов, которые рассматривали отдельные категории дел: дела по обвинению в оскорблении величия римского народа, казнокрадство, взятки, убийство, прелюбодеяние, поджог и т.п. В Древнем Риме, как и в Древней Греции отсутствовал полноценный государственный обвинитель. В роли последнего выступало то лицо, который считал нарушенными свои права и законные интересы противоправными действиями другой стороны. Такой «частный обвинитель» получал возможность фактически выступать и от имени государства по делам публичного обвинения (то же казнокрадство и взяточничество), а мерами стимулирования такой общественной активности выступала возможность получения до четверти штрафа присужденного лицу, признанному виновным в том или ином правонарушении.

Раскрывая вопрос о том, каким образом создание и деятельность такого рода судов повлияла на развитие судебной риторики, отметим следующее. Возможность выступать в качестве обвинителя по перечисленным видам судебных процессов, породило формирование отдельных групп населения, которые специализировались на деятельности по поддержанию подобного рода обвинения. По этой причине «среди обвинителей были и разорившиеся аристократы, и непопулярные или начинающие ораторы, и такие корифеи красноречия, как Катон Цензор и Цицерон. Обеспечение явки ответчика в суд

и исполнения приговора было частным делом» [16, с. 10]. При этом, «в отличие от греческой практики в римском суде важную роль играл институт адвокатуры. Адвокат представлял интересы клиента в суде, должен был хорошо разбираться в законах и быть убедительным оратором. После судебного заседания адвокаты в случае успеха получали за свои услуги вознаграждение - *honorarium*. Многие видные римские ораторы зарабатывали на жизнь адвокатской деятельностью» [16, с. 11]. Обращает на себя внимание, что, зачастую, именно из ораторов получались успешные адвокаты, поскольку древнеримский суд был во многом аналогичен судам Древней Греции, в которых убеждение лиц выполняющих роль судей было главной задачей стороны по делу.

В качестве промежуточных итогов отметим, что средой в которой зародилось судебное красноречие, являлся демократический строй, который определял в качестве основы принятия управленческих решений, мнение большинства. Такой способ принятия решений в Древней Греции был апробирован и в суде гелиастов, что поставило перед участниками процесса задачу убедить присутствующих в правоте собственной позиции. Возникшая потребность в произнесении грамотной и убедительной речи в судебном процессе, среди прочего, послужила причиной зарождений и формирования древнегреческой школы риторики, в т.ч. судебной риторики, которая в тот период имела много общего с риторикой политической и, даже, с театральным ораторским искусством. В последующем ораторское искусство развивалось в древнеримский период, толчком к чему послужило предоставление гражданам права выступать обвинителями по различным категориям дел, в т.ч. и по делам публичного характера (по которым пострадавшими выступали не такие граждане, а государство или общество в целом). Публичность судебного процесса того периода, также послужила причиной развития ораторского судебного искусства.

В качестве следующих исторических периодов развития судебной риторики укажем на ранее средневековье, средневековье и позднее

средневековье, период нового времени. Судебная риторика и ораторское искусство, как правило, получали импульс к развитию только в тех исторических формациях, которые допускали публичность и состязательность судебного процесса, там, где сила вербального убеждения носила весомое или решающее значение для принятия решения по делу. Так, искусство судебной речи продолжало развиваться в Древней Греции в IV-V веках. Среди исследователей указывается, что «оратор IV в., видный деятель знаменитой Колхидской риторической школы Фартадзе считал, что судебная речь должна быть строго аргументирована юридически. Древнеармянский философ VI в. Давид Анахт среди жанров ораторского искусства выделял судебное красноречие» [50, с. 237]. Также, в «XII-XIV вв. искусство публичного спора в Грузии и Армении достигло высокого уровня. В XIV в. успешно развивается судебное красноречие в Италии. А в XV в. красноречие в сфере правовых отношений развивалось в государствах Средней Азии» [21, с. 27-28]. В то же время в период средневековья, в условиях господства феодального строя и церкви, отстранения широких масс населения от участия в судебном процессе, развитие ораторского искусства и судебной риторики было весьма затруднено.

Если обратиться к отечественному опыту судебного ораторского искусства, то следует говорить об его полноценном формировании во второй половине XIX столетия после проведения судебных реформ 1864 года и образованием судов присяжных. По существу, детерминанты формирования отечественной школы судебной риторики аналогичны древнеримским и древнегреческим – это появление публичной, состязательной формы судопроизводства, формирование суда присяжных. Решение по делу в таких судах во многом зависело от формирования у присяжных убеждённости в виновности или невиновности подсудимого лица. Особенно важное значение судебной речи придавалось в тех процессах, где собранные по делу стороной обвинения доказательства были в большей мере косвенными (не прямыми) и определяющее значение приобретала их оценка в совокупности. Среди выдающихся ораторов того периода следует указать на А.Ф. Кони

(представитель стороны обвинения), а также выдающихся адвокатов Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасовича, П.С. Пороховщикова и других. Так, «среди излюбленных приемов А. Ф. Кони при создании судебной речи можно назвать такие тропы и фигуры, как инверсия, антитеза, градация, перифраза, метонимия, метафора. Особое место в его творчестве занимают периоды, способствующие полному эмоциональному выражению мысли, а наиболее распространенной фигурой являются повторы» [26, с. 31]. Ф.Н. Плевако в отличие от А.Ф. Кони обращался к «приемам эмоционального воздействия на аудиторию, используя доводы к сопереживанию и отвержению; ссылки на авторитет; тоpos свидетельства - пословицы и поговорки» [8, с. 30].

Иными словами, А.Ф. Кони использовал языки и вербальные символы понятные и принимаемые присяжными заседателями, являющимися обычными среднестатистическими членами общества того периода. В тот же период следует отметить и зарождение психологических основ судебной речи в трудах такого учёного, как В.Д. Спасович. Кроме того, стоит обратить внимание и на П.С. Пороховщикова, который издал руководство по ораторскому искусству для начинающих в судебных процессах «Искусство речи на суде» (1910). Особое внимание в этом труде уделялось образности судебной речи [22, с. 11-12].

Характеризуя основную направленность судебного ораторского искусства адвокатов того периода отметим, что в их речах проявлялась активная гражданская позиция, для объяснения присутствующим лицам причин совершения тех или иных поступков подсудимых, раскрывалось несовершенство и противоречия действующего общественного строя, которые становились причинами совершения преступлений и т.п. Гражданская позиция и стремление действовать во благо общества в целом это то, к чему стремились адвокаты и защитники того периода. В качестве иллюстрации данной мысли, процитируем небольшой отрывок из судебной речи П.А. Александрова по делу Сарры Модебадзе: «Я бы желал исполнить долг мой не только как защитника, но и как гражданина, ибо нет сомнения, что на

нас как общественных деятелях лежит обязанность служить не только интересам защищаемых нами, но и вносить свою лепту, если к тому предоставляется возможность, по вопросам общественного интереса» [21, с. 24-25].

Далее обратим внимание на советский период развития судебной речи. Отсчёт этого периода следует вести не с 1917 года, а с 1922 года, когда суды присяжных были окончательно отменены. Вопреки расхожему мнению о том, что наука судебной речи и судебное ораторское искусство в советский период фактически не развивалось, отметим, что это не так. Ввиду особенностей политического и правового строя того периода, а также господства розыскной карательной модели судопроизводства, признания вины как «царицы доказательств» судебная речь и ораторское искусство действительно утратило былое значение. Среди прочего это выразилось в отсутствии фундаментальных научных и практических работ на эту тематику. Вместе с тем судебная риторика указанного периода активно развивалась и отображена в литературе в аспекте участия прокурора в судебных процессах.

Интересно наблюдать «обратный процесс», когда в дореволюционный период количество выдающихся ораторов известных широкой общественности на стороне адвокатов (защитников) превалировало над количеством известных государственных обвинителей. В то время, как в советский период имеет место обратная тенденция. Анализ литературы на эту тему показывает, что вклад в судебную риторику советского периода внесли такие представители прокурорской профессии, как Н.В. Крыленко, Р.А. Руденко, В.И. Царев и многие другие. Среди представителей адвокатуры можно выделить таких адвокатов, как И.Д. Брауде, В.Л. Россельс, Я.С. Киселёв.

Особенности судебной риторики советского периода заключалась в том, что «в условиях советского судопроизводства доказательственная сторона судебного разбирательства приобрела гораздо большее значение, чем психологический анализ. Судебная речь стала значительно меньше по объёму, ей в большей

степени стали присущи формы логического развертывания и в гораздо меньшей - средства эмоционального воздействия. Юристами справедливо высказывалось мнение, что в судебных процессах редко произносятся пышные фразы, длинные цитаты из художественных произведений» [17, с. 15].

Значимость и вклад Н.В. Крыленко в развитие отечественной судебной риторики заключается в участии последнего в 20-30-х годах XX столетия в должности прокурора РСФСР и СССР в роли государственного обвинителя по наиболее крупным политическим и другим общественно-значимым судебным процессам. Современные исследователи отмечают что судебные речи и выступления прокурора Н.В. Крыленко отображают хронику событий того исторического периода. Среди наиболее известных судебных процессов, можно указать дело о покушении на Ленина, судебные процессы в отношении лиц, убивших Володарского, Урицкого, дела в отношении правых эсеров, по делу контрреволюционной организации «тактический центр», по делу бывшего надзирателя Бутырской каторжной тюрьмы и т.п. [17, с. 16]. Отмечается, что «каждая речь Н.В. Крыленко отличалась всесторонним и тщательным изучением дела, глубоким анализом доказательств, подробным психологическим анализом самого преступления и его причин» [17, с. 17].

Также отметим Р.А. Руденко занимающего должность Генерального прокурора СССР в период с 1953 по 1981 года. Р.А. Руденко были присущи высокая общая и правовая культура, глубокие знания, и, самое главное качество прокурора, - принципиальность. Как и его предшественники, Р.А. Руденко поддерживал государственное обвинение по наиболее значимым судебным процессам. Отмечается, что «его обвинительные речи содержали всестороннюю аргументацию, убедительность, строгую логику изложения, глубокий психологический анализ. Всегда четко формулировался тезис, после разностороннего аргументированного анализа действий подсудимых делались четкие выводы» [17, с. 17]. Р.А. Руденко выступал обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе 1945-1946 годов, в судебном процессе по делу американского лётчика-шпиона Пауэрса в 1960 году [42, с. 45].

Важный теоретический и прикладной вклад в развитие судебной риторики внёс прокурор Владимирской области – В.И. Царёв. В отличие от выше обозначенных коллег, В.И. Царёв, кроме присущей тому периоду аргументированности и логичности речи, использовал в своих выступлениях образность языка, приводил примеры из художественных произведений [17, с. 17].

Отдельное внимание необходимо уделить и представителям адвокатской профессии. Так, адвокат И.Д. Брауде (годы жизни 1884-1955) являлся блестящим оратором, в своих речах применял психологические приёмы. Отмечается, что «для речей И.Д. Брауде характерны доказательность, убедительность, логичность и мастерское владение словом. Написанная им книга «Записки адвоката» помогает судебным ораторам в овладении мастерством судебной полемики» [17, с. 17]. Отметим и В.Л. Россельса, адвоката с более чем 40-летним стажем адвокатской деятельности, речи которого отмечались глубоким анализом личности и действий подсудимого, убедительной оценкой доказательств. Отметим, что в данном случае, возможно, присутствует правопреемственность с отечественной дореволюционной школой судебной риторики. Глубокий психологический нравственный анализ, выяснение истинной мотивировки поведения подсудимого были присущи и известному дореволюционному адвокату Ф.Н. Плевако [17, с. 18]. Ленинградский адвокат Я.С. Киселёв (годы жизни 1896-1984) «был выдающимся судебным оратором, большим мастером судебной речи и слова, крупным теоретиком судебного красноречия, руководителем школы ораторского мастерства. Такие его работы, как «Этика адвоката», «Слово адвокату», «Речевая культура судебных прений», «Перед последним словом», «Некоторые вопросы психологии в речи адвоката», помогут начинающему адвокату стать хорошим специалистом и настоящим оратором» [17, с. 19].

Обратим отдельное внимание на то, что в отечественной науке существует позиция безальтернативной критики советского периода развития

отечественной системы судопроизводства, в т.ч. уровню развития судебной речи и риторики. Так, применительно к 20-м годам XX столетия отмечается, что происходящие в обществе перемены привели к тому, что «косноязычие и пренебрежение к форме выражения мысли из признака пролетарского происхождения превратились в непрменный атрибут речи носителя государственной власти» [16, с. 18]. Правильная литературная речь стала подозрительна. В нашей речевой практике, по оценке Т. Губаевой, «антиподом обезличенности официально принятой речи стала непомерная языковая распушенность» [18, с. 264]. Отмечается также, что «культура юридической речи ютилась на задворках лишенной былого значения адвокатуры» [42, с. 20]. Исследователи судебной речи справедливо отмечают, что «возрождение интереса к ораторскому искусству за последние годы объясняется, прежде всего, все возрастающей демократизацией общественных процессов, повышением требований к эффективности уголовно-процессуальной деятельности, стремлением к осуществлению реальных гарантий прав человека на судебном процессе» [12, с. 3-4].

1.2 Понятие, признаки и значение судебной речи

В первую очередь отметим, что судебная речь не является автономным явлением, а есть часть риторики в целом. В связи с этим, важно установить место судебной речи в системе риторики в целом. С.В. Швец отмечает, что «риторика подразделяется на общую и частную. Общая риторика - это общие принципы построения речи, не зависящие от сферы ее применения. Частная риторика подразделяется на две ветви - гомилетику и ораторику. Гомилетика предполагает наличие возможности многократного речевого воздействия на одну и ту же аудиторию» [52, с. 147-148]. В свою очередь, ораторика предполагает однократность речевого воздействия на аудиторию. Традиционно ораторика подразделяется на судебную, бытовую, социально-политическую». Таким образом, судебная речь является частной

разновидностью риторики и относится по своим родовым (групповым) признакам к ораторике – как однократное воздействие на целевую аудиторию. Вместе с тем, такое деление видится весьма условным. Если не ограничивать судебную риторику (судебную речь) только выступлениям ив прениях, а относить к ней всё вербальное общение участника судебного процесса с судом и другими лицами, принимающими участие в процессе, то допустимо вести речь и о неоднократном воздействии на «целевую аудиторию» в целях постепенного, поэтапного формирования у последних предпосылок для окончательного восприятия позиции оратора, финальным аккордом которой будет судебная речь, высказанная в прениях сторон. Особенно актуальным данное предположение выглядит для судебного процесса с участием присяжных заседателей [2, с. 47].

Если же рассматривать каждое конкретное выступление в суде в качестве единичной судебной речи (например, не только выступление в прениях, но и выступление в ходе оценки конкретного доказательства, при разрешении «частного» вопроса не касающегося судьбы всего дела и т.п.), то такие судебные речи, безусловно, необходимо относить к ораторике. В таком случае каждая из таких речей будет носить однократное целевое назначение и ограничиваться решением текущей задачи. Однако сужать задачи таких судебных речей только текущими вопросами без цели достижения необходимого результата в процессе в целом, было бы неправильно и ограничено. Таким образом, оценивая групповую принадлежность судебной риторики необходимо указать на её двойственную природу, конкретная судебная речь может решать задачу однократного воздействия на аудиторию в целях решения определённых задач, и, вместе с тем, быть частью общей стратегии, финальным аккордом которой будет выступление в прениях с использованием ранее уже сформированных установок и предубеждений участников процесса.

В отечественной правовой науке отсутствует единый подход к пониманию термина «судебная риторика». По мнению Л.А. Введенской и

Л.Г. Павловой, «судебная речь - это публичная речь, обращенная к суду, а также ко всем участвующим и присутствующим при рассмотрении уголовного или гражданского дела, произнесенная в судебном заседании и представляющая собой изложение выводов оратора по данному делу и его возражения другим ораторам. Цель судебной речи - способствовать формированию внутреннего убеждения судей, убедительно и аргументированно воздействовать на народных и присяжных заседателей, присутствующих в зале граждан» [11, с. 363-364]. Представляется, что следует согласиться с утверждением о том, что судебная речь представляет собой публичную речь. Несмотря на то, что адресатами такой речи могут выступать конкретно-определённый круг объектов воздействия (судья, государственный обвинитель, защитник, присяжные заседатели), публичность современного судебного процесса предполагает возможность широкого публичного распространения произнесённой в суде речи. Верным также является и утверждение о том, что судебная речь произносится только в специальной обстановке – в обстановке проведения судебного заседания.

По мнению И.М. Резниченко, «судебная речь - это процессуальное действие, целью которого является убеждение» [42, с. 5-6]. С данной позицией в целом необходимо согласиться. Она раскрывает судебную речь с процессуальной, правовой точки зрения. Во всех без исключения видах отечественного судебного процесса сторонам предоставляется право высказывать свою позицию по всем возникающим при рассмотрении дела вопросам (письменно и устно), в том числе в судебных прениях. Право на выступление в судебных прениях является основополагающим процессуальным правом, нарушение которого, является безусловным самостоятельным основанием для отмены принятого по такому делу судебного решения. Соответственно, судебная речь с юридической точки зрения это, безусловно, процессуальное действие. Однако данная характеристика сама по себе не способна отобразить сущность данного понятия, поскольку кроме судебной речи существует достаточно много других

процессуальных действий, а значит раскрытие понятия «судебная речь» возможно только с помощью выявления её сущностных особенностей.

Таким образом, существо судебной речи представляется в вербальном способе изложения позиции оратора по конкретному делу, в целях донесения этой позиции до целевой аудитории (прежде всего – до субъектов ответственных за принятие решение по делу, а именно до суда, присяжных заседателей, государственного обвинителя и т.п.), которая преследует своей целью убеждение последних в истинности (законности) позиции оратора. Таким образом, судебная речь это один из элементов «моста» между позицией оратора по делу и предстоящим решением суда по такому делу. Другими «элементами» такого «моста» могут выступать письменно зафиксированная позиция по делу, выраженная в возражениях, жалобах ходатайствах, письменных пояснениях, в протоколах судебных заседаний и т.п. Судебная речь, вместе с тем, призвана, донести основное содержание и смысл позиции оратора по делу в целом, в т.ч. изложенной в письменных источниках.

В результате проведённого анализа действующего законодательства и литературы по судебной риторике, выделены следующие виды судебных речей:

- по назначению: судебные речи по гражданскому делу, по уголовному делу, по делу об административном правонарушении, рассматриваемом в суде. К категории гражданских дел следует относить все виды действующих «не уголовных» судебных процессов, которые в целом имеют одинаковую сущностную основу: гражданско-процессуальный, арбитражный, административный. Судебные речи по уголовным делам и по делам об административных правонарушениях в целом имеют много общего, поскольку в обоих случаях действуют сходные принципы привлечения к ответственности (административной и уголовной) основанные на принципе презумпции невиновности и состязательности судебного процесса, законности и т.п.

- по стадиям судопроизводства. По уголовному судопроизводству можно выделить следующие судебные речи: в стадии предания подозреваемого суду, в судебном разбирательстве, в кассационной инстанции, в стадии исполнения приговора, в надзорной инстанции. Кроме того, в гражданских и уголовных процессах можно выделить предварительные стадии (предшествующие стадии судебного разбирательства). На таких стадиях решаются вопросы исключения доказательств (вопрос о допустимости или недопустимости доказательства), о мере пресечения подсудимого, о действиях которые необходимо совершить суду для рассмотрения дела по существу и прочие вопросы организационного характера;
- по субъектам публичных выступлений: речь государственного обвинителя, речь общественного обвинителя, защитника, общественного защитника, гражданского истца, гражданского ответчика, защитительная речь подсудимого [22, с. 31]. Каждый из перечисленных субъектов имеет по делу собственный интерес, который и подлежит реализации в рамках судебной речи.

Таким образом, цель произнесения судебной речи – это способствование формированию внутреннего убеждения у судей, присяжных заседателей и других участников судебного процесса относительно правильности той позиции по делу, которой придерживается оратор.

Л.А. Веденская и Л.Г. Павлова отмечают, что «предметом судебной речи является деяние, за которое подсудимый привлекается к уголовной или иной ответственности. Содержание судебной речи представляет собой совокупность вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора. Материалом для судебной речи служат обстоятельства, связанные с конкретным уголовным или гражданским делом, факты, доказательства» [11, с. 364]. С данной позицией в целом можно согласиться, с тем лишь уточнением, что они не отображают специфику других видов судебных процессов (прежде всего – гражданского).

Рассмотрим особенности судебной речи, которые отличат её от других видов ораторских речей. По мнению Б.И. Каверина и И.В. Демидова, особенностями судебной речи являются: «круг субъектов публичных речей по уголовным и гражданским делам определен законом; последовательность их выступлений и содержание речей участвующих в деле лиц также определены законом; использование приемов ораторского искусства при произнесении судебных речей возможно в рамках этих правил; произнесение судебной речи имеет цель способствовать правильному разрешению уголовного (гражданского) дела и обеспечить воспитательное воздействие судебного процесса» [22, с. 30].

Л.А. Введенская и Л.Г. Павлова выделяют еще одну специфическую особенность судебной речи - ее состязательный характер. «Состязательность как принцип судопроизводства предполагает отделение функции обвинения и функции защиты от функции правосудия, наделение сторон равными процессуальными правами для осуществления их функций, руководящее положение суда и наделение только суда полномочиями принятия решения по делу» [11, с. 365].

Несмотря на то что большинство авторов, говоря о судебной речи, выделяют «правильность» принятия судебного решения как одну из основных задач судебной речи, некоторые ученые ставят подобное утверждение под сомнение. Так, А.С. Александров считает, что следует различать объективную истину и истину судебную. «Судебная истина - это то, что признается за истинное судом по результатам судебного разбирательства сторон в деле» [1, с. 116-117]. Правда для аудитории, это то во что она верит. Иными словами, позиция стороны по делу не всегда может быть законной и правильной исходя из критерия истинности, но цель оратора донести «свою правду» (какой бы она не была) до целевой аудитории. А.С. Александров указывает, что «таким образом, объективизирует речью судебную истину здравый смысл, обуславливающий аргументацию сторон. Истиной будет признана та позиция в деле, которая более аргументирована, т.е. которую судьи, а также другие

здравомыслящие люди готовы признать за истинную, одобрить ее, признать необходимой» [1, с. 117].

Другой специфической особенностью судебной речи выступает её язык, который отличен от языка других видов публичных выступлений. М.Е. Новичихина считает, что «судебная речь представляет собой выступление особого типа, поскольку ее характеризуют подчеркнутая диалогичность, дискуссионно-полемический характер, широкое использование терминов, отглагольных существительных; используется специфическая лексика, игнорируется запрет на использование речевых клише» [33, с. 50]. Приблизительно ту же точку зрения высказывает и Т.В. Губаева: «речевое общение как компонент профессионально-юридической деятельности отражает сформированный этой деятельностью тип мышления. Речевое поведение юристов необходимо рассматривать в связи с познавательной и коммуникативной спецификой правовой сферы» [19, с. 31].

Отметим, что полемический характер судебной речи обуславливает и отдельные требования к её содержанию. Содержание судебной речи отображает в себе не только донесение собственной позиции до аудитории, но и критика позиций процессуальных противников. Это также обуславливает и такое свойство судебной речи, как диалогичность.

Судебная речь в целом - это элемент судебного состязания, которое осуществляется в форме прямого или отложенного диалога (когда ответ на позицию, заявленную противоположной стороной, даётся не в ходе диалога а через определённое время при рассмотрении иных вопросов). С.И. Володина указывает на такую особенность судебной речи, как «системность, лаконичность и точность изложения, что является важным для поддержания скрытого диалога между защитником и судом» [14, с. 90].

Еще одной характеристикой, обуславливающей особенность судебной речи, является ее «необратимость, что заставляет оратора строить свое выступление так, чтобы оно оказывало максимально возможное воздействие на аудиторию, чтобы именно его доводы остались в памяти присутствующих»

[51, с. 147]. Л.Е. Владимиров отмечает такую важную черту судебной речи, как научность. «В речи могут быть излагаемы лишь результаты исследования и притом в самой сжатой, общедоступной форме» [13, с. 430].

По мнению Т.В. Губаевой, предметом речевого общения в правовой сфере являются юридически значимые факты [18, с. 45]. Указывается, что «юридически значимые факты представляют собой основу внутреннего убеждения суда, именно они становятся объектом анализа профессиональных участников судопроизводства, именно критерий юридической значимости определяет меру убедительности как самих фактов, так и их истолкования в суде» [18, с. 45].

Таким образом, судебная речь представляет собой публичную речь основным адресатом которой выступает суд и другие участники процесса в целях убеждения последних в истинности (правильности, обоснованности) позиции по тому или иному вопросу, разрешаемому в ходе судебного разбирательства.

Значение судебной речи велико. Выступление с речью - одно из процессуальных прав широкого круга участников судебного разбирательства, ограничение которого судебной практикой рассматривается как ограничение права на судебную защиту.

Судебная речь по уголовному либо гражданскому делу является мощным средством психологического воздействия на состав суда, побуждающим к определенным действиям и определенным решениям. Судебная речь выступает важным средством правовой пропаганды, способствует повышению уровня правовой грамотности граждан, воспитывает уважение к закону, правам и свободам личности.

По итогам рассмотрения вопросов данной главы сделан вывод о том, что с момента начала нового современного периода развития России, вопрос о значимости судебной речи актуализировался повторно. Видимое отсутствие должного количества научных трудов и сборников на эту тематику не должно вводить в заблуждения относительно якобы отсутствия какого-либо развития

судебной риторики как таковой. Рассмотренный советский (как и дореволюционный) период придал новый импульс развития судебной риторики, обогатив отечественную школу выдающихся судебных ораторов как представителями государственного обвинения, так и представителями адвокатского сообщества. Возможное падение общего культурного уровня судебных речей в 20-е и 30-е годы в последующем было компенсировано возросшим небывалым уровнем общей грамотности и культурности населения, что также оказывало влияние и на судебный процесс, его языковое наполнение. Среди основных черт судебной риторики советского периода, следует указать логичность, обоснованность фактическими данными и правильной интерпретацией доказательств. Различные синтаксические приёмы и художественные образцы также оставались частью судебных речей, но уже в меньшей степени. Главная задача судебного оратора в таком случае заключалась не в перенасыщении речи художественными образами, а в грамотном расставлении акцентов и усилении собственных аргументов, в сохранении логичности и последовательности изложения, установлении последовательной взаимосвязи между фактическими обстоятельствами дела и позицией оратора.

Именно с таким наследием отечественная судебная риторика и вошла в современный период развития России.

По итогам рассмотрения вопросов данной главы можно предложить следующие основные выводы.

В результате рассмотрения вопроса о понятии судебной речи и различных точек зрения учёных на эти вопросы, установлено, что судебная речь представляет собой публичную речь основным адресатом которой выступает суд и другие участники процесса, и которая произносится в целях убеждения последних в истинности (правильности, обоснованности) позиции по тому или иному вопросу, разрешаемому в ходе судебного разбирательства.

Значение судебной речи заключается в том, что она является одним из основных средств убеждения суда, присяжных заседателей, других

участников судебного процесса, в правильности позиции той стороны, которая использует судебную речь. Судебная речь даёт преимущества, поскольку кроме собственно приёмов логики и аргументации собственной позиции, субъект такой речи обладает возможностями воздействия на убеждение судьи или присяжных заседателей при помощи эмоционально-психологических приёмов. При этом, современной правовой наукой и практикующими юристами, как правило, недооценивается значение речей в судебном процессе, существует убеждение о том, что «во главу угла» должна быть поставлена норма закона и логика её понимания, что, однако, в корне не верно. Не отрицая значение и роль закона и его правильного толкования в процессе правоприменения, обратим внимание, что глубокая сущностная основа закона заключается в обеспечении естественных прав и потребностей человека, обусловленных самой его природой, а также в установлении справедливых правил поведения. В связи с этим, правильно сформированный и аргументированный «посыл» в речах участников судебного процесса, безусловно, может повлиять на восприятие участниками процесса (прежде всего, судом, присяжными заседателями) обстоятельств спора или деяния, совершённого представшим перед судом лицом.

Глава 2 Содержание судебной речи в условиях проведения прений сторон

2.1 Обвинительная речь: понятие, содержание, значение. Особенности речи государственного обвинителя при отказе от обвинения

Отметим, что деление речей на обвинительные, защитительные и речи иных участников процесса происходит исходя из критерия стороны (субъекта) излагающего соответствующую речь.

В.А. Лазарева и Л.А. Шестакова предлагает под обвинительной речью понимать «речь государственного обвинителя, в которой он доказывает суду виновность подсудимого в совершении преступления» [28, с. 136]. Из признаков обвинительной речи, которые содержатся в предложенном варианте определения, можно выделить следующие. Субъектом такой речи выступает государственный обвинитель. Вторым признаком является то, что судебная речь является одним из способов (элементов) доказывания позиции государственного обвинителя по уголовному делу. Третий признак, который предлагают указанные учёные – это то, что целью обвинительной речи выступает только доказывание виновности подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления. Обратим внимание, что речь прокурора в уголовном процессе может заключаться не только в обосновании вины подсудимого, но и быть связана со смягчением обвинения, либо с отказом от государственного обвинения.

Н.Н. Федяков определяет речь государственного обвинителя, «как процессуальная форма выражения итогового вывода о результатах уголовного преследования, где мотивированно излагаются суду, а также участникам процесса точка зрения государственного обвинителя, которая складывается из анализа собранных по уголовному делу доказательств, изученных в ходе судебного следствия, оценки данных доказательств, а также внутреннего

убеждения о виновности либо невиновности лица (лиц), привлекаемого к уголовной ответственности» [48, с. 25]. Обратим внимание на признаки, которые указывает Н.Н. Федотова. Она также закономерно указывает на субъекта речи – государственного обвинителя. Отметим, что на стороне государственного обвинителя по делам частного обвинения может выступать потерпевший. Также выделяется такой признак обвинительной речи, как мотивированность. Справедливо указывается, что излагается именно точка зрения государственного обвинителя, однако, такая точка зрения не обязательно должна заключаться в виновности подсудимого (речь идёт о случаях отказа государственного обвинителя от поддержки государственного обвинения). Что касается других элементов предлагаемого понимания речи государственного обвинителя, отметим, что они носят рекомендательный, не обязательный характер. Речь государственного обвинителя в силу закона, в обязательном порядке должна содержать вывод о доказанности виновности или невиновности подсудимого, о мере наказания, которую государственный обвинитель считает необходимым избрать подсудимому, а также позицию по другим обстоятельствам, по которым должно быть принято решение в приговоре суда.

Как уже указывалось, в предыдущих разделах, УПК РФ не содержит законодательного определения судебной речи. Вместе с тем судебная речь наиболее ярко проявляется в прениях сторон. Аналогичным образом можно утверждать и об отсутствии законодательного определения термина «прения сторон». Общий порядок и содержание прений сторон урегулировано в ст. 292 УПК РФ. Состав участников прений может быть различным. Согласно ч. 1 указанной нормы «прения сторон состоят из речей обвинителя и защитника. При отсутствии защитника в прениях сторон участвует подсудимый» [47]. В свою очередь, согласно ч. 2 ст. 292 УПК РФ, «в прениях сторон могут также участвовать потерпевший и его представитель. Гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, подсудимый вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон» [47].

Таким образом, закон, указывает на то, что обязательными участниками прений являются государственный обвинитель и представитель стороны защиты. От имени стороны защиты выступает защитник подсудимого, однако, в случае его отсутствия – сам подсудимый.

Кроме того, факультативными участниками прений выступают другие представители стороны обвинения (потерпевший, гражданский истец, их представители), а также стороны защиты (сам подсудимый, гражданский ответчик, их представители). По смыслу процитированных норм суд не может отказать данным лицам в участии в прениях, поскольку такое участие является их правом, а значит, при желании последних (заявлении соответствующего ходатайства), суд должен предоставить лицу такую возможность.

Вопросы последовательности участия в прениях урегулированы в ч. 3 ст. 292 УПК РФ, «последовательность выступлений участников прений сторон устанавливается судом. При этом первым во всех случаях выступает обвинитель, а последними - подсудимый и его защитник. Гражданский ответчик и его представитель выступают в прениях сторон после гражданского истца и его представителя» [47]. Таким образом, нормы закона стоят на исходных концептуальных позициях, согласно которым прения сторон построены по принципу изначального изложения обвинения и последующего предоставления возможности стороне защиты высказать свою позицию и возразить против заявленного обвинения. Соответственно, ни суд, ни стороны не наделены возможностью изменить такой порядок выступления сторон в прениях. При этом, порядок выступления других потенциальных участников, а именно потерпевшего, гражданского истца, ответчика, из представителей, определяется на усмотрение суда с учётом мнения сторон.

Несколько иной порядок выступления сторон в прениях применяется к рассмотрению дела в суде апелляционной инстанции. Во-первых, в ч. 1 ст. 389.14 УПК РФ, определяет, что прения сторон определяются предметом судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции. При этом первым выступает та сторона, которая заявила апелляционную жалобу.

Соответственно, первым может выступать и представитель стороны защиты а не представитель государственного обвинения.

Содержание прений также законодательно не урегулировано. При этом, согласно ч. 4 ст. 292 УПК РФ, «участник прений сторон не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или признаны судом недопустимыми» [47]. Соответственно, в прениях, среди прочего, стороны могут ссылаться на доказательства, которые рассматривались в судебном заседании и в отношении которых отсутствует. Таким образом, позиция по делу каждой из сторон излагается в речах в ходе прений со ссылками на исследованные в ходе дела доказательства. Соответственно, государственный обвинитель, выступая с обвинительной речью в прениях, должен, кроме формирования позиции по делу, указать на доказательства по делу, которые подтверждают его позицию (как правило, это позиция о виновности лица в совершении преступления).

На содержание речей в прениях также указывает содержание ст. 294 УПК РФ, согласно которой, «если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства, то суд вправе возобновить судебное следствие. По окончании возобновленного судебного следствия суд вновь открывает прения сторон и предоставляет подсудимому последнее слово» [47]. Таким образом, кроме ссылок на уже исследованные доказательства, стороны в своих речах могут указать, на новые обстоятельства, которые имеют значение для дела, или укажут на необходимость предъявления дополнительных (новых, ранее не исследованных) доказательств. Это также указывает на специфическое юридическое значение судебной речи, которые должно не только влиять на формирование и донесение до суда позиции стороны по делу, но и, при определённых обстоятельствах, может быть направлено на дальнейшую защиту стороны процесса своей позиции по делу способом возобновления судебного следствия.

Согласно ч. 5 ст. 292 УПК РФ, суд не может ограничивать продолжительность выступлений (речей) сторон в прениях, за отдельным исключением. К таким исключениям относятся высказывание стороны относительно обстоятельств, которые не имеют отношение к рассматриваемому уголовному делу, а также на доказательства, ранее признанные недопустимыми. При этом суд не вправе прекратить речь стороны, он обязан только остановить её, сделав соответствующее замечание, после чего, сторона вправе продолжить своё выступление в прениях.

Согласно ч. 6 ст. 292 УПК РФ, «после произнесения речей всеми участниками прений сторон каждый из них может выступить еще один раз с репликой. Право последней реплики принадлежит подсудимому или его защитнику» [47]. В свою очередь, согласно п. 36 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, согласно которой «реплика - замечание участника прений сторон относительно сказанного в речах других участников» [47]. Правило о праве на завершающую реплику представителя стороны защиты является продолжением правила о том, что завершающее слово в прениях принадлежит именно стороне защиты. Что касается государственного обвинителя, то его участие в высказывании реплик, прямо в УПК РФ не урегулировано. Учитывая, что продолжительность выступления прений сторон не ограничена, государственный обвинитель и другие стороны по делу наделены возможностью фактически неограниченного обмена репликами.

Отметим, что содержание прений сторон в судебном процессе без участия присяжных заседателей и с участием присяжных заседателей существенно различается в силу специальных норм, которые регулируют такие вопросы (ст.ст. 336-338 УПК РФ) и которые будут рассмотрены в соответствующем разделе настоящей работы.

В подведение промежуточных итогов, отметим, что правовое регулирование судебных прений и судебных речей в целом, в УПК РФ фрагментарно. Положений ст. 292 УПК РФ недостаточно для того, чтобы разрешить весь объём возникающих вопросов. В частности, отсутствует

нормативное определение выступления стороны по делу в прениях, отсутствует указание на предмет такого выступления. При этом анализ постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения судами уголовно-процессуального законодательства, показывает, что на уровне обобщения практики и разъяснений, вопросам прений сторон, особенностям применения положений ст. 292 -294 УПК РФ, практически не уделяется внимание. В качестве показательного примера можно указать на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» [37] постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [38] в которых рассматриваемым вопросам не уделяется абсолютно никакого внимания.

Системное толкование ряда норм УПК РФ позволяет предположить о том, что обстоятельства, на которые указывается в речах сторон, должны иметь значение для рассмотрения уголовного дела, в выступлениях допускается ссылка на исследованные и не признанные недопустимыми доказательства, ссылка на новые обстоятельства дела, а также заявление о необходимости предоставления суду новых, ранее не исследованных доказательств. Возникают вопросы о продолжительности выступлений сторон в прениях и о возможности ограничить время выступления сторон. На данный момент нормативно допускается только останавливать выступающую сторону, если она ссылается на обстоятельства, не имеющие отношение к делу и на доказательства, которые были признаны недопустимыми. Государственный обвинитель в силу прямого закона в прениях выступает первым, высказывая позицию государственного обвинения, государственный обвинитель, как и другие участники судебных прений не ограничен в выступлениях по времени, а также в количестве реплик. При этом

государственный обвинитель не может выступать с речью в прениях или с репликами последним.

Далее обратим внимание на значение обвинительной речи. Анализ научных источников [23, с. 84-85], [28, с. 229], [43, с. 134-136] позволяет охарактеризовать значение обвинительной речи в следующем:

- подведение итогов всего уголовного процесса, вывод о достижении целей уголовного судопроизводства. Государственный обвинитель оценивает не только результаты судебного процесса, но и досудебного следствия;
- подведение итогов деятельности стороны государственного обвинения. Обвинительная речь является кульминацией всей деятельности государственного обвинителя, в которой окончательно формируется обвинение (оно может быть изменено в сторону его смягчения) и адресует суду просьбу о признании подсудимого виновным в совершении преступления и о назначении ему наказания;
- обвинительная речь является последней возможностью уточнить государственной обвинение. Значение обвинительной речи заключается в том, что она используется для обоснования обвинения перед судом, формирования внутреннего убеждения судьи о виновности подсудимого;
- воспитательное воздействие. Данное воздействие имеет своей целью формирование государственного и общественного порицания подсудимого совершившего преступления (нарушившего правопорядок, законность, посягнувшего на права и свободы других лиц). Обвинительная речь выступает важным фактором профилактического воздействия на сознание самого подсудимого и иных лиц.

Далее обратим внимание на содержание обвинительной речи. Нормативно, структура содержания обвинительной речи не определяется. В

научной литературе выделяют следующие элементы структуры обвинительной речи: вступление, главная часть и заключение [28, с. 229].

Во вступлении выделяются следующие элементы: «обращение к суду и участникам процесса; краткое описание совершенного преступления с акцентированием внимания на наиболее существенных деталях уголовного дела; изложение фабулы уголовного дела (фактических обстоятельств дела); изложение юридической квалификации содеянного в объеме предъявленного обвинения; изложение и обоснование позиции подсудимого по предъявленному обвинению» [28, с. 237].

Второй частью обвинительной речи является главная (основная) часть. Отмечается, что в этой части должна быть обоснована, со ссылкой на исследованные по делу надлежащие и допустимые доказательства, позиция государственного обвинителя по тем вопросам, которые суд должен разрешить при принятии окончательного решения по делу. Обычно государственный обвинитель обосновывает свою позицию в следующей последовательности. Вначале формирует отношение о доказанности вины подсудимого по предъявленному ему обвинению, далее обосновывается юридическая квалификация содеянного, в завершающей стадии основной части выступления – высказывается мнение относительно меры наказания, которые необходимо применить к подсудимому, в т.ч. со ссылками на данные о личности подсудимого, обстоятельства, которые смягчают или отягчают наказание. Кроме того, в случае заявления по делу гражданского иска и наличия по делу вещественных доказательств, государственный обвинитель, «высказывает соображения о возмещении материального ущерба и определения судьбы вещественных доказательств» [24, с. 236]

Отмечается, что «третья часть обвинительной части – заключительная. Здесь в кратком виде формулируются итоги судебного процесса; указывается на результаты преступного посягательства, подчеркивается значимость приговора, общественная опасность преступления и т.д.» [28, с. 237].

Далее обратим внимание на особенности обвинительной речи прокурора в случае его отказа от государственного обвинения. Согласно п. 7 приказа Генпрокуратуры России от 25.12.2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» указано, что «государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств. Отказ государственного обвинителя от обвинения должен быть мотивирован и представлен суду в письменной форме» [36]. Таким образом, ведомственными нормативными актами, главным критерием к отказу государственного обвинителя от обвинения выступает обоснованность и мотивированность такого решения, которое в связи с этим, может быть принято только после тщательного и всестороннего исследования имеющихся по делу доказательств.

Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», «изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения в ходе судебного разбирательства предопределяет принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя» [37].

Для соблюдения данных требований председательствующий обязан выяснить мнение потерпевшего о возможности переквалификации предъявленного подсудимому обвинения.

Согласно п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указано следующее: «в соответствии с частями 7 и 8 статьи 246 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения предопределяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя,

поскольку уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем» [9, с. 11].

Таким образом, отказ государственного обвинителя от обвинения является обязательным для суда. Несогласие суда с мотивами, приведенными государственным обвинителем в обоснование отказа от обвинения, не освобождает суд от обязанности прекратить уголовное дело.

Представляется, что, как и в случае с обвинительной речью государственного обвинителя в которой обосновывается вывод о виновности подсудимого, речь при отказе от обвинения, структурно состоит из введения, основной части и заключения. Отказ от поддержания государственного обвинения может быть только мотивированным. При этом качество такой мотивировки, степень обоснованность, несмотря на обязательность такого отказа для суда, должны быть исключительно обоснованными. Ведь речь идёт о том, что подсудимый фактически освобождается от дальнейшего уголовного преследования.

2.2 Речь защитника. Виды защитительных речей

Как уже указывалось в предыдущем разделе, сторона защиты является обязательным участником прений (ч. 1 ст. 292 УПК РФ). Учитывая, что участие в прениях, как и многие действия стороны защиты являются их правом, а не обязанностью, то следует отметить, что участие в прениях является добровольным волеизъявлением стороны защиты. Учитывая, что защитник (адвокат или иное лицо, допущенное в качестве такового судом), должны действовать в интересах представляемого (подзащитного), затруднительно представить ситуацию, в которой отказ защитника от участия в прениях сторон будет соответствовать интересам подзащитного.

Отмечается, что «в рамках судебного разбирательства речь защитника именуется защитительной. Смысл ее заключается в том, чтобы представить наиболее благоприятное впечатление о подсудимом перед судом» [5, с. 91].

Л.В. Кречетова, характеризуя речь защитника, отмечает, что «выступление защитника с речью – это итоговая его позиция. В своей речи он приводит факты невиновности подсудимого, указывает контраргументы обвинению. В своей речи он приводит факты невиновности подсудимого, указывает контраргументы обвинению» [24, с. 74].

Речь защитника «состоит в умелом манипулировании доказательственной базой таким образом, чтобы представить те или иные доказательства в качестве убедительных, обоснованных и неопровержимых» [45, с. 218].

Представляется, что задачи и цели, которые преследуются в защитительной речи, субъектом которой выступает защитник, обусловлены предназначением защитника в уголовном процессе как такового. Оно заключается в защите прав и законных интересов подсудимого всеми законными способами. В рамках судебной речи защитника в прениях решаются как обозначенные задачи, так и «частные» задачи. Они заключаются в грамотном и умелом оперировании положениями закона, исследованными по делу доказательствами, выявленными в ходе судебного следствия недостатками и сомнениями, на основе чего осуществляется доказывание правильности позиции стороны защиты по делу и формирования у судьи соответствующего убеждения.

Вместе с тем, отмечается, что защитительная речь обладает значительной степенью индивидуальности (с точки зрения структуры и содержания). Эта индивидуальность обусловлена тем, что защитительная речь в большей степени является аргументированной реакцией защитника на обвинительную речь. Кроме того, по понятным причинам содержание обвинительной речи зависит от специфики завершающегося судебного

процесса, итогов проведенного судебного следствия, линии защиты, которая была избрана стороной защиты и многих других обстоятельств.

Вместе с тем, объективная индивидуальность и гибкость защитительной речи не отменяет её самостоятельность. Указывается, что «защитительная речь должна обладать самостоятельностью, при которой защитник подвергает анализу все обстоятельства дела с точки зрения защиты, приводит данные, свидетельствующие в пользу подзащитного» [27, с. 268].

Анализ зарубежных источников, например адвоката К. Эванса показывает, что «в наше время защитительная речь должна напоминать скорее аргументированное выступление по радио (a reasoned talk on the radio), чем образец красноречия с излишне высокопарными фразами и выразительной жестикуляцией» [53, р. 68]. Не преуменьшая значение красноречия современной судебной речи, отметим, что аргументация, логичность, последовательность и лаконичность выступления защитника, имеют колоссальное значение для современной судебной риторики [41, с. 19].

Выделяются следующие специфические признаки речи защитника в судебных прениях:

- речь защитника является единственным способом выразить позицию стороны защиты по делу, в т.ч. оценить все установленные по делу обстоятельства и исследованные доказательства;
- главной целью данной речи выступает оказание воздействия на формирование внутреннего убеждения у судьи относительно правильности позиции стороны защиты, а также на других участников судебного процесса (прежде всего, государственного обвинителя, потерпевшего, гражданского истца). Попытка посредством судебной речи оказать влияние на формирование внутреннего убеждения судьи (или присяжных заседателей) вызвана тем, что именно от его решения зависит юридический исход дела;

- существо речи защитника заключается в обосновании позиции стороны защиты, речь защитника является ответом на речь государственного обвинителя [28, с. 239].

Отметим, что содержание защитительной речи, как и обвинительной, нормативно не закреплено. В связи с этим, среди учёных высказываются предложения по законодательному закреплению содержания такой речи [2, с. 34], однако многие не поддерживают это предложение. Как отмечает Г.Г. Шиханцов: «защитительная речь – живое, творческое дело» [52, с. 263].

В.А. Лазарева и Л.А. Шестакова отмечают, что «индивидуальность защитительной речи зависит от обвинения, которое предъявлено подсудимому, от итогов судебного следствия, позиции избранной защитой, а также имеющихся доказательств. Благодаря тому, что защитник выступает в прениях сторон после обвинителя, на построение защитительной речи оказывает влияние обвинительная речь, произносимая прокурором. Тем не менее, защитительная речь должна обладать самостоятельностью, при которой защитник подвергает анализу все обстоятельства дела с точки зрения защиты, приводит данные, свидетельствующие в пользу подзащитного» [28, с. 269].

Представляется, что необходимость детальной законодательной регламентации защитительной речи отсутствует. Возможно, законодательной регламентации требует предмет судебной речи в целом, но детальная регламентация содержания любой из речей, как обвинительной, так и защитительной, так и речей других участников процесса, предоставит им слишком узкий «простор» для творчества и ограничит свободу в изложении мысли и аргументации, значительно ограничит в возможности реализации замысла и смысла, который автор речи хочет вложить в неё. Анализ законодательных положений УПК РФ регламентирующих порядок судебных прений, показывает, что судебная речь, в том числе выступление в прениях защитника должно основываться на тех обстоятельствах, которые имеют значение для дела, а также на доказательствах, которые были исследованы в

ходе судебного следствия и не были признаны недопустимыми. Кроме того, защитник наделён правом в ходе своей речи указывать на новые, ранее не исследованные судом обстоятельства и на те доказательства, которые не были исследованы в ходе судебного следствия, что может быть основанием для его возобновления.

Л.А. Введенская и Л.Г. Павлова указывают, что «объединяя различные мнения по вопросу содержания защитительной речи, высказанные в науке, можно говорить о следующих ее элементах: вступление; анализ фактических обстоятельств дела; анализ юридической стороны предъявленного обвинения; характеристика личности подсудимого; заключение» [11, с. 452].

В целом защитительную речь можно разделить на три части: вступление, главная часть (анализ фактических обстоятельств дела, анализ юридической стороны предъявленного обвинения, характеристика личности подсудимого), заключение. Отметим, что структура защитительной речи в целом аналогична структуре речей других участников уголовного судопроизводства. Рассмотрим структуру защитительной речи подробнее.

Отмечается, что «вступительная часть речи предваряет ее содержание. Во вступлении может быть развита общая мысль, может быть приведен афоризм в форме цитаты, либо же собственное изложение оратора» [28, с. 270]. Среди прочего, на вступительной стадии защитительной речи рекомендуется завоевать пристальное внимание аудитории [35, с. 16].

Что касается главной части, то она «наиболее важная и ответственная часть защитительной речи. Она включает в себя анализ доказательств, оценка правильности квалификации преступления и рассказ о личности подсудимого. Если защитник признает обвинение доказанным полностью или частично, тогда в этой части речи прибавляется еще и анализ причин и условий совершения преступления. Последовательность элементов главной части защитительной речи зависит от позиции защитника по делу, однако если адвокат оспаривает доказательства, он не может дать анализ квалификации до тех пор, пока не проанализирует доказательства» [28, с. 270].

Заключительная часть защитительной речи представляет собой подведение итогов выступления защитника. Отмечается, что «эта часть речи должна выразить ту идею, которая является главной, она должна обозначить основную мысль защиты и вместе с тем быть органически связанной с другими частями защитительной речи. Эффект речи должен быть ярким, выразительным, точным и кратким. В заключительной части защитник должен четко и ясно сказать то, о чем просит суд: об оправдании подсудимого, если его вина не установлена, о назначении ему минимального срока наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ, об условном осуждении» [28, с. 275]. Как известно, аудитория слушателей, кто бы на её месте не выступал (суд, прокурор, присяжные заседатели, другие участники) в большей степени запоминает начало и окончание любого выступления. В связи с этим, заключительной части защитительной речи необходимо придавать колоссальное значение. Рекомендуется кратко и сжато сформулировать и донести до адресатов речи тезисы, которые обосновывались в основной части речи, резюмировать основную идею, которую преследует выступающий.

Обратим внимание также на то, что содержание защитительной речи зависит от позиции стороны по делу. Так, позиция защиты может быть в отстаивании полной невиновности и в отрицании обвинения. Кроме того, может иметь место частичное признание вины и, соответственно, частичное оправдание подсудимого. Также могут иметь место случаи, когда сторона защиты, в целом признавая вину в содеянном, настаивает на правильной квалификации совершённого деяния. Кроме того, могут быть ситуации, когда сторона защиты признаёт собственную вину в совершении преступления, действуя в целях соблюдения собственного максимального интереса.

В первом случае, «защитник в главной части своей речи доказывает невиновность подсудимого за отсутствием в его действиях состава преступления, за отсутствием самого события преступления или непричастность к преступлению подсудимого» [28, с. 275].

Во втором случае (частичное признание вины), защитник в своей речи признаёт вину в совершении части инкриминируемых ему деяний, обосновывая невиновность по другим эпизодам предъявленного обвинения. В таком случае, защитительная речь с одной стороны, делится на «блоки» в которых формулируются и аргументируются различные позиции по частям предъявленного обвинения, с другой стороны, вся речь защитника в целом должна быть связана общим смыслом и обладать законченностью. Необходимость построения такой речи может возникнуть когда, «подсудимый привлекается к уголовной ответственности по нескольким статьям УК РФ. Тогда защитник в главной части своей речи доказывает невиновность подсудимого за отсутствием в его действиях состава одного из преступлений» [28, с. 275].

В случае, если защитник обосновывает неправильность квалификации содеянного со стороны государственного обвинителя, в своей речи «он предлагает переqualифицировать деяние и назначить подсудимому меру наказания по другой статье УК РФ (если речь идет о переqualификации с более тяжкой статьи на менее тяжкую)» [28, с. 275].

В случае признания вины в совершенной преступлении, защитник в своей речи «соглашается с предъявленным обвинением, но считает необходимым назначить наказание с учетом данных, характеризующих личность подсудимого, с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств» [28, с. 275].

Далее рассмотрим отдельные аспекты защитительной речи подсудимого. Выступление подсудимого в прениях, в случае изъявления такого желания, принято расценивать как его защитительную речь. Подсудимый имеет безусловное право на защиту, и привлечение для участия в деле защитника выступает только одним из способов реализации данного права. Кроме этого, подсудимый имеет право защищать себя лично (в т.ч. и при участии в деле защитника) и соответственно, на самостоятельное участие в прениях (как при отсутствии защитника, так и при защитнике, участвующем

в прениях). Если подсудимый участвует в прениях вместе с защитником, то он выступает последним (в т.ч. после своего защитника). Данный вывод, среди прочего основан на действующем судебном толковании содержания права на защиту подсудимого в уголовном судопроизводстве, которое, в т.ч. включает право на участие в судебных прениях (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [38]).

Особенностью реализации права подсудимого на выступление в прениях заключается в том, что последний должен заявить соответствующее ходатайство (предварительно, подсудимому разъясняются соответствующие права). В частности, на это указывается в абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 [38]. В этой связи важным аспектом выступает выполнение судом своей обязанности по разъяснению подсудимому соответствующего права.

Отметим, что нарушение права подсудимого на выступление в прениях, как правило, оценивается судами апелляционной и кассационной инстанции как грубое нарушение норм процессуального права, влекущее за собой отмену принятого решения и направление дела на новое рассмотрение. Так, например, в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.06.2013 г. № 41-АПУ13-13СП, указывается, что «приговор, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей, подлежит отмене, а дело - направлению на новое рассмотрение с момента, следующего за провозглашением вердикта, поскольку из протокола судебного заседания следует, что председательствующий судья предоставил возможность выступить в прениях сторон государственному обвинителю и защитникам, но такое право не было предоставлено подсудимым» [7]. Аналогичные выводы содержатся и в решениях других контролирующих судебных инстанций [34], [40].

Предоставление подсудимому права участвовать в прениях с собственной речью, обуславливает ряд проблемных вопросов. Так, возникает вопрос о необходимости согласования позиции подсудимого с позицией его защитника. Как правило, в лице защитника выступает адвокат, одним из основополагающих принципов деятельности которого является согласование позиции по делу со своим доверителем, адвокат (защитник) должен следовать позиции доверенного лица, даже если она видится ему неверной или не правильной (за исключением случаев формирования у адвоката убеждения о самоговоре доверителя). Исходя из этого, представляется, что позиция защитника, которую он будет отстаивать в защитительной речи в прениях, безусловно, должна быть согласована с его подзащитным. При этом, сам подзащитный никаким образом не связан содержанием речи его защитника, даже если они предварительно согласовали именно такую позицию. Это означает, что в случае, если подзащитный посчитает необходимым, в своём выступлении он может высказать иную позицию. В таком случае, суд, как представляется, должен принять позицию подзащитного.

Вместе с тем, обозначенные вопросы никаким образом не урегулированы законодательно, в связи с чем, предлагается внести ряд дополнений в действующее уголовно-процессуальное законодательство. А именно, дополнить ст. 292 УПК РФ ч. 4.1 следующего содержания:

«4.1 Позиция стороны защиты, высказываемая в судебных прениях защитником должна быть согласована с подсудимым. В случае противоречия позиции стороны защиты высказанной в прениях позиции подсудимого, судом в качестве позиции стороны защиты принимается позиция подсудимого».

2.3 Речи иных участников судопроизводства

В первую очередь, обратим внимание на такую форму выступления подсудимого, как его последнее слово. Хотя известно и общепризнано в науке, что последнее слово подсудимого в силу положений ст. ст. 292 и 293 УПК РФ

не входит в структуру судебных прений, однако процессуально и содержательно весьма близко к ним, поэтому может быть рассмотрено в ракурсе судебных прений как особая разновидность речи подсудимого.

Таким образом, несмотря на то, что последнее слово подсудимого может быть использовано и в целях его защиты от предъявленного обвинения, в силу правового регулирования и его сущности, его принято относить к иным формам судебных речей. Необходимость отдельного рассмотрения вопроса о последнем слове подсудимого, обусловлена его значимостью, поскольку оно является завершением реализации механизма состязательности судебного процесса, реализации права на защиту. Логика состязательного процесса предполагает изначальную постановку «обвинения» и последующую «защиту» от него. При этом, аргументы «защиты» должны быть последними, перед принятием решения, поскольку по своей сущности являются именно ответом на обвинение. Таким образом, если выступление в прениях, это в большей степени диалог, спор, поскольку предполагается очерёдность выступлений, а также поочерёдный обмен репликами, то выступление с последним словом, это завершающий этап рассмотрения судом соответствующего дела.

Отметим, что право подсудимого на последнее слово является безусловным и такая возможность должна быть ему предоставлена вне зависимости от желания воспользоваться таким правом. Возможность выступить с последним словом, предоставляется подсудимому по окончании прений сторон. Аналогичное правило применяется также в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанции. Например, согласно ч. 2 ст. 389.14 УПК РФ, «по окончании прений сторон суд предоставляет последнее слово лицу, в отношении которого проверяется судебное решение, если данное лицо участвует в судебном заседании, после чего суд удаляется в совещательную комнату для принятия решения» [47].

Правовое регулирование последней речи подсудимого в уголовном процессе осуществляется в ст. 293 УПК РФ. Согласно ч. 1 данной нормы

«после окончания прений сторон председательствующий предоставляет подсудимому последнее слово, в том числе с использованием систем видеоконференцсвязи. Никакие вопросы к подсудимому во время его последнего слова не допускаются» [47]. Обратим внимание на то, что последнее слово подсудимого завершает все вербальные выступления сторон в процессе в целом. После завершения последнего слова у других участников процесса уже отсутствует возможность высказываться по существу процесса. Также запрещено задавать какие-либо вопросы подсудимому при его последнем слове. Это качественно отличает выступление подсудимого с последним словом от, например, его допроса.

Кроме того, необходимо отметить, что уголовно-процессуальное законодательство придаёт последнему слову подсудимого важное значение. В подтверждение этого укажем на возможность применения к подсудимому мер принуждения, связанных с обеспечением его надлежащего поведения в судебном заседании. В таком случае, например, подсудимый может быть удалён из зала судебного заседания на время допроса, исследования доказательств, а также на время проведения прений, но после их завершения, он должен быть возвращён в зал судебного заседания для предоставления возможности последнего слова. В частности, на это указывается в абз. 2 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 [38]. Кроме того, Верховный Суд РФ разъясняет, что закон не предусматривает обязанность суда ознакомить подсудимого с содержанием проведённых в его отсутствие процессуальных действий, а также с содержанием выступлений сторон в прениях. По просьбе подсудимого, при наличии защитника, суд может предоставить последним время для консультации.

Данные правила представляются справедливыми, поскольку образуют необходимый баланс между необходимостью обеспечения надлежащего порядка в судебном процессе, уважения к суду и к другим участникам процесса и реализацией фундаментального права человека на защиту через участие в судебных прениях и выступлении с последним словом подсудимого.

Обратим внимание, что подобные разъяснения Верховного Суда РФ отсутствуют применительно к случаям, когда подсудимый возвращён в судебное заседание после проведённого судебного следствия для участия в прениях сторон. В таком случае, подсудимому также целесообразно предоставлять время для общения со своим защитником и подготовки к участию в прениях (не перенося само судебное заседание). Обращает внимание, что соответствующие процессуальные нормы в УПК РФ отсутствуют. Учитывая, что обозначенная позиция ВС РФ применяется уже более 7 лет и не вызывает существенных нареканий со стороны учёных и практиков, представляется необходимым внести соответствующие дополнения и уточнения в УПК РФ.

Так, согласно ч. 2 ст. 293 УПК РФ, «суд не может ограничивать продолжительность последнего слова подсудимого определенным временем. При этом председательствующий вправе останавливать подсудимого в случаях, когда обстоятельства, излагаемые подсудимым, не имеют отношения к рассматриваемому уголовному делу» [47]. Таким образом, суд может остановить подсудимого только в случае если обстоятельства, на которые он ссылается, не относятся к рассматриваемому делу, но такая возможность не предусмотрена для доказательств признанных недопустимыми. Вместе с тем, как и в случае с выступлением в прениях, согласно ст. 294 УПК РФ, если в последнем слове подсудимого последний укажет на имеющие значение для дела обстоятельства, которые не исследовались в ходе судебного следствия или заявит о желании предоставления новых доказательств, то судья может принять решение о возобновлении судебного следствия.

Обратим внимание, что федеральным законом от 21.07.2014 г. № 251-ФЗ [49] в ч. 1 ст. 293 УПК РФ были внесены изменения, обусловленные внедрением в уголовный процесс технических решений, способствующих участию подсудимого в уголовном процессе посредством систем видеоконференцсвязи. В настоящий момент, право подсудимого на

последнюю речь может быть реализовано и с помощью использования соответствующих технических возможностей.

Рассматривая значение последнего слова подсудимого и права на участие подсудимого в прениях, обратим внимание, что нарушение данных прав, в силу п.п. 6 и 7 ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ являются безусловными основаниями для отмены принятого судебного акта в суде апелляционной инстанции. Об этом также свидетельствует и сложившаяся судебная практика. Например, в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 декабря 2019 г. № 16-АПУ19-18СП указывается, что «приговор подлежит отмене с направлением уголовного дела в тот же суд на новое судебное разбирательство в ином составе суда со стадии обсуждения последствий вердикта коллегии присяжных заседателей, поскольку председательствующий не создал подсудимым необходимые условия для осуществления предоставленных им прав на участие в прениях сторон и выступления с последним словом» [6].

Далее рассмотрим особенности речей других участников уголовного судопроизводства. Анализ положений УПК РФ, обобщений судебной практики Верховного Суда РФ, показывает, что вопросам выступления с судебными речами потерпевшего, гражданского истца, ответчика, их представителей, уделяется значительно меньше внимания, в сравнении с рассмотренными обвинительными речами и речами стороны защиты.

В целом необходимо обратить внимание, что право на выступление в прениях закреплено как у потерпевшего (п. 15 ч. 3 ст. 42 УПК РФ), гражданского истца (п. 15 ч. 4 ст. 44 УПК РФ), так и у гражданского ответчика (п. 11 ч. 2 ст. 5 УПК РФ). При этом, только у гражданского истца имеется уточнение о том, что предметом его выступления в прениях является обоснование гражданского иска. Учитывая, что гражданский ответчик в качестве цели участия в уголовном судопроизводстве преследует также разрешение вопроса о заявленных в отношении него материально-правовых требований, целесообразно предположить, что предмет его выступления в

прениях может относиться только к гражданскому иску [39]. При этом, необходимо понимать, что разрешение гражданского иска во многих случаях зависит от разрешения вопроса о виновности или невиновности лица, от степени виновности (участия в преступлении) каждого из подсудимых и т.п. В связи с этим, ограничение предмета выступления в прениях гражданского истца и ответчика, выглядит спорным.

Что касается потерпевшего, то предмет его выступления с речью в прениях, не имеет существенных отличий от предмета выступления государственного обвинителя, поскольку потерпевший представляет сторону обвинения. Обозначая специфику речи потерпевшего также отметим, что в силу ч. 5 ст. 313 УПК РФ потерпевший как до, так и во время выступления в прениях, вправе заявить ходатайство об информировании его о прибытии подсудимого (осуждённого) в исправительное учреждение, а также об иных событиях, связанных с отбытием последним наказания (изменения места отбытия наказания, окончание отбытия наказания и т.п.).

Речь потерпевшего обладает существенной спецификой. Отмечается, что данный вид речи «по основным характеристикам выступления лица со стороны обвинения, как правило, сходна с позицией государственного обвинителя. Потерпевший преследует в уголовном процессе свой частный интерес, связанный с восстановлением справедливости в его понимании, восстановлением его доброго имени, прав, компенсацией морального вреда и возмещением причиненного преступлением материального ущерба» [46, с. 112].

М.Ф. Мингалимова отмечает, что «после допроса потерпевшего и окончания судебного следствия суд выясняет мнение потерпевшего относительно меры наказания для виновного в случае вынесения в отношении него обвинительного приговора. При этом у потерпевшего, как правило, три варианта на выбор: вопрос о назначении наказания остается на усмотрение суда; подсудимому необходимо назначить наказание по всей строгости закона или виновный заслуживает снисхождения» [31, с. 280]. Далее автор пишет, что

«мнение потерпевшего о снисхождении в судебной практике учитывается при назначении наказания и, как правило, признается смягчающим обстоятельством» [31, с. 280].

Таким образом, речь потерпевшего в судебных прениях может включать: позицию относительно доказанности вины подсудимого; предложения о мере наказания; позицию о применении к осужденному принудительных мер медицинского характера; позицию о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям; предложение о прекращении уголовного преследования в связи с примирением; позицию об изменении квалификации преступления, озвученную государственным обвинителем в своей речи.

Если потерпевший является частным обвинителем, то в отличие от речи государственного обвинителя, он вправе, но не обязан, в судебных прениях излагать суду свое мнение по существу обвинения, о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания, что вытекает из положений ч. 5 ст. 321 УПК РФ [46, с. 322]. Частный обвинитель также «не обязан придерживаться четкой структуры в своем выступлении в прениях сторон. Он может выбрать любую схему выступления и освещения тех вопросов, на которые он бы хотел обратить внимание» [46, с. 322].

Гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе касаться в своих речах лишь вопросов, имеющих отношение к гражданскому иску. Они в отличие от прокурора действуют в своих личных интересах. Отмечается, что «для их речей существуют определенные рамки. Гражданский истец и его представители могут доказывать только те обстоятельства, от признания которых зависят их исковые требования. К ним можно отнести: доказывание события преступления и виновности в нем подсудимого, выяснение последствий преступления, размера причиненного ущерба, условий и порядка его возмещения. В то же время гражданский истец (если он одновременно не является потерпевшим) не вправе в своей речи касаться

вопросов уголовной ответственности подсудимого, квалификации его действий и назначения наказания» [46, с. 323].

При этом, необходимо отметить, что «гражданский истец должен выступать в судебных прениях ранее гражданского ответчика, защитника и подсудимого. Нарушение этой последовательности влечет за собой грубое нарушение закона» [46, с. 324].

Таким образом, можно сделать вывод, что к содержанию судебной речи подсудимого, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца и ответчика, не предъявляются столь повышенные требования как к речи государственного обвинителя и защитника. Однако речь указанных участников ограничена обстоятельствами, имеющими отношение к уголовному делу и (или) имущественными интересами.

В подведение итогов отметим, что в целях надлежащей реализации права подсудимого на участие в прениях и на последнее слово подсудимого в части предоставления возможности аргументированного выступления, в случае, если предварительно к подсудимому применялись меры обеспечения уголовного судопроизводства в виде удаления из зала судебного заседания, последнему целесообразно предоставить право на консультацию со своим защитником. В этих целях необходимо внести следующие законодательные изменения:

«Статья 292. Содержание и порядок прений сторон.

1. Прения сторон состоят из речей обвинителя и защитника. При отсутствии защитника в прениях сторон участвует подсудимый. В случае применения в отношении подсудимого решения председательствующего в судебном заседании об удалении из зала заседания до начала прений сторон, по возвращению в зал судебного заседания подсудимому предоставляется возможность консультации со своим защитником для подготовки к выступлению в прениях».

По итогам рассмотрения вопросов данной главы, можно сделать вывод о том, что одной из основных классификаций речей в уголовном процессе

выступает их деление в зависимости от профессиональной роли, которую выполняет субъект.

По данному критерию выделяют обвинительную, защитительную речи и речи других участников судопроизводства.

Обвинительная речь излагается государственным обвинителем, защитительная – защитником и подсудимым. К речам других участников уголовного судопроизводства относятся речи подсудимого, гражданского ответчика, гражданского истца, потерпевшего. Как правило, содержание речей перечисленных участников уголовного судопроизводства определяется их интересом, который они преследуют, принимая участие в судебном процессе. Вместе с тем, общепринятая структура речей в целом сходна вне зависимости от вида речи и состоит из вступительной части, основной части и выводов.

Глава 3 Особенности судебных речей сторон в отдельных судебных производствах

3.1 Особенности выступления сторон в суде с участием присяжных заседателей

В первую очередь рассмотрим вопросы правового регулирования выступлений сторон в суде с участием присяжных заседателей.

В статье 336 УПК РФ предусмотрены особенности такого этапа стадии судебного разбирательства, как прения сторон. Согласно ч. 1 указанной нормы, «после окончания судебного следствия суд переходит к выслушиванию прений сторон, которые проводятся в соответствии со статьей 292 настоящего Кодекса» [47]. Таким образом, общий порядок проведения прений применяется и к прениям в суде с участием присяжных заседателей. Однако, логично предположить, что положения ст. 336 УПК РФ, которые являются специальными по отношению к общему порядку прений сторон, предусмотренных в ст. 292 УПК РФ, должны применяться в первоочередном порядке. И только в тех вопросах, которые специальной нормой не урегулированы, должны применяться общие положения, содержащиеся в ст. 292 УПК РФ. Вместе с тем, как мы можем наблюдать буквальная формулировка данной нормы предписывает обращаться исключительно к общему порядку проведения прений (парадоксально, что такая отсылка имеется в специальной норме). Представляется, что данную неточность необходимо устранить способом внесения дополнений в ч. 1 ст. 336 УПК РФ изложив последнюю в следующей редакции

«1. После окончания судебного следствия, суд переходит к выслушиванию прений сторон, которые проводятся в соответствии со статьей 292 настоящего Кодекса с учётом особенностей, предусмотренных в настоящей статье».

Далее непосредственно обратимся к особенностям проведения прений сторон в суде с участием присяжных заседателей, которые предусмотрены ч.ч. 2 и 3 ст. 336 УПК РФ. Согласно ч. 2 указанной нормы, «прения сторон проводятся лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Стороны не вправе касаться обстоятельств, которые рассматриваются после вынесения вердикта без участия присяжных заседателей. Если участник прений сторон упоминает о таких обстоятельствах, то председательствующий останавливает его и разъясняет присяжным заседателям, что указанные обстоятельства не должны быть приняты ими во внимание при вынесении вердикта» [47].

Данное правило направлено на то, чтобы сосредоточить внимание присяжных заседателей только на тех вопросах, разрешение которых отнесено к их компетенции. Кроме того, данный запрет обусловлен необходимостью исключения попыток участников прений повлиять на принятие присяжными заседателями решений, мотивированных иными обстоятельствами, не относящимися к делу (например, разжалобить их, «завоевать» расположение за счёт обстоятельств, не относящихся к делу и т.п.).

Таким образом, допустимо утверждать о том, что предмет выступлений сторон в прениях ограничен кругом вопросов, которые разрешаются присяжными заседателями.

Согласно ч. 1 ст. 338 УПК РФ, «судья с учетом результатов судебного следствия, прений сторон формулирует в письменном виде вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, зачитывает их и передает сторонам» [47]. Отметим, что УПК РФ не дает ответа на вопрос о том, какие именно это должны быть вопросы. Однако, представляется, что в любом случае должен иметь место вопрос о доказанности совершения подсудимых тех деяний (действий или бездействий), которые последнему инкриментируются.

Вместе с тем, процесс постановки вопросов присяжным заседателям предполагает также участие в нём других участников по делу. Такое

обсуждение должно происходить в отсутствие присяжных заседателей, что предусмотрено ч. 3 ст. 338 УПК РФ. Так, согласно ч. 2 ст. 338 УПК РФ, «стороны вправе высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внести предложения о постановке новых вопросов. При этом судья не вправе отказать подсудимому или его защитнику в постановке вопросов о наличии по уголовному делу фактических обстоятельств, исключających ответственность подсудимого за содеянное или влекущих за собой его ответственность за менее тяжкое преступление» [47].

После проведенного обсуждения вопросов, которые необходимо поставить на разрешение присяжных заседателей, судья уделяется в совещательную комнату, в которой формулирует окончательный перечень вопросов, составляется вопросный лист (ч. 4 ст. 338 УПК РФ). Согласно ч. 5 ст. 338 УПК РФ, «вопросный лист оглашается в присутствии присяжных заседателей и передается старшине присяжных. Перед удалением в совещательную комнату присяжные заседатели вправе получить от председательствующего разъяснения по возникшим у них неясностям в связи с поставленными вопросами, не касаясь при этом существа возможных ответов на эти вопросы» [47].

Само содержание вопросов, которые ставятся на разрешение присяжным заседателям предусмотрено в ст. 339 УПК РФ. Вопросы делятся на основные и дополнительные. К основным вопросам относятся следующие: «1) доказано ли, что деяние имело место; 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния» [47]. При этом, в силу ч. 2 ст. 339 УПК РФ, перед присяжными заседателями допускается постановка и одного вопроса, который будет содержать в себе как части все три выше обозначенные вопроса.

Кроме того, допускается постановка и дополнительных вопросов, которые касаются обстоятельств, влияющих на степень виновности или изменяющих характер такой виновности. В том числе, могут быть поставлены вопросы «о степени осуществления преступного намерения, причинах, в силу

которых деяние не было доведено до конца, степени и характере соучастия каждого из подсудимых в совершении преступления. Допустимы вопросы, позволяющие установить виновность подсудимого в совершении менее тяжкого преступления, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту» [47]. Кроме того, в случае признания подсудимого виновным, перед присяжными заседателями должен быть поставлен вопрос о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения (ч. 4 ст. 339 УПК РФ).

Все вышеперечисленные обстоятельства относятся к предмету проведения судебных прений.

Кроме того, согласно ч. 3 ст. 336 УПК РФ, «стороны не вправе ссылаться в обоснование своей позиции на доказательства, которые в установленном порядке признаны недопустимыми или не исследовались в судебном заседании. Судья прерывает такие выступления и разъясняет присяжным заседателям, что они не должны учитывать данные обстоятельства при вынесении вердикта» [47].

Обратим внимание на отдельные исключения. Так, «сообщать о доказательствах можно, но раскрывать их нельзя. Например, сообщение во вступительном заявлении адвоката Ю. М. Новолодского о том, что в судебном заседании будут допрошены исполнитель убийства свидетель Д., который осужден, еще один человек, было определено тем, что до присяжных заседателей уже были доведены сведения о действиях Д. при совершении убийства, и по этому вопросу сторона обвинения возражений не заявляла. Само по себе сообщение о предстоящем исследовании конкретных доказательств не противоречит требованию закона о том, что стороны во вступительном заявлении предлагают порядок исследования представляемых доказательств» [30, с. 61].

Анализируя данную норму, обратим внимание на то, что аналогичный запрет по существу содержится и в общем порядке производства прений, предусмотренном ст. 292 УПК РФ. Вместе с тем, применительно к присяжным

заседателям, он наделён особенной актуальностью. Участие присяжных заседателей в суде обусловлено концепцией участия общества в отправлении правосудия. Спецификой такого процесса выступает то, что присяжные заседатели не являются специалистами в сфере права, тем более компетентными в вопросах уголовного и уголовно-процессуального законодательства. По существу, они «простые» люди, которые при постановке вердикта руководствуются своими эмоциями, жизненным опытом, представлениями и т.п. В связи с этим, ссылка участника прений на недопустимое доказательство, безусловно, может оказать влияние на позицию одного или даже всех присяжных заседателей. Последние, не являясь профессионалами в сфере уголовного судопроизводства, могут не воспринять причины, по которым на такое доказательство не стоит обращать внимание, но, вместе с тем, могут, воспринять само такое доказательство, которое повлияет на их убеждение. В связи с этим, даже правило о том, что судья должен остановить сторону прений, ссылающихся на недопустимое доказательство, и провести необходимые разъяснения присяжным заседателям, является хоть и необходимым, но в целом явно недостаточным. Рассчитывать тут необходимо только на быстроту реакции судьи и, возможно, оппонентов такого недобросовестного участника прений, которые вовремя обратят внимание на такое обстоятельство.

В подтверждение обозначенного предположения, процитируем отдельных учёных. Так, например, «присяжные могут прийти к выводу о том, что уголовный закон, примененный в подсудимому, сам по себе является несправедливым, поскольку устанавливает уголовную ответственность за деяние, не обладающее признаком общественной опасности, либо предусматривает несоразмерно суровое наказание. В данном случае речь идет о нуллификации закона вне контекста частного случая (*in abstracto*)» [44, с. 50]. Кроме того, «на вердикт присяжных, в целом не сомневающих в справедливости уголовного закона, могут влиять испытываемые ими эмоции, вызванные личностью участников процесса и обстоятельствами совершенного

преступления. Так, присяжные заседатели могут испытывать стойкое чувство симпатии или антипатии к подсудимому, потерпевшему, а подчас и к профессиональным участникам процесса. В ряде случаев на их вывод о виновности подсудимого могут влиять отдельные обстоятельства, которые они рассматривают как исключающие уголовную ответственность и наказание (противоправность поведения потерпевшего, малозначительность, с их точки зрения, деяния и проч.)» [44, с. 51].

О.Ю. Андриянова отмечает, что «аргументация в процессе рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей имеет очень важное значение. Обобщение судебной практики по этому вопросу показало, что в ходе судебного следствия и судебных прений стороны допускали и продолжают допускать в присутствии коллегии присяжных заседателей высказывания, не относящиеся к фактическим обстоятельствам уголовного дела, затрагивая юридические вопросы, а также вопросы относительно характеристики личности подсудимых. В большинстве случаев данные высказывания исходят от стороны защиты, которая в ходе судебного разбирательства, указывая на юридические моменты дела (производство предварительного следствия, допрос подсудимых в качестве подозреваемых (обвиняемых) и другие процессуальные действия), пытается таким способом оказать неправомерное воздействие на коллегию присяжных заседателей, преследуя цель вынесения впоследствии коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта» [3, с. 65].

Таким образом, важное значение в речах сторон по делу приобретает с одной стороны, разъяснение специфики и существа поставленных перед присяжными вопросов (со стороны государственного обвинителя) и, с другой стороны, соответствующее воззвание к морально-психологическим и социальным установкам присяжных заседателей в целях формирования у них убеждений выгодных для стороны защиты.

Обратим также внимание на то, что подобные приёмы (ссылка на доказательство, признанное недопустимым или на доказательство, которое не

исследовалось в судебном заседании) могут применяться участниками прений исходя из выбранной ими линии защиты, тактики воздействия на сознание присяжных заседателей. Такого рода способ воздействия на присяжных, безусловно, является недопустимым и противоправным. К лицам, допустившим такого рода нарушения, необходимо применять соответствующие меры процессуального реагирования, а также, при наличии на то оснований, направлять соответствующую информацию в адвокатские объединения в которых состоят защитник или представитель.

Определяя особенности выступления государственного обвинителя в судебном процессе с участием присяжных заседателей, отметим, что «бремя доказывания вины подсудимых в суде присяжных лежит на государственном обвинителе. Поэтому исход дела, достижение цели уголовного преследования зависит от профессиональной подготовленности и активности прокурора. Допрашивая подсудимых, свидетелей, других участников процесса, исследуя доказательства по делу, прокурор должен постоянно иметь в виду необходимость убеждения присяжных заседателей в виновности подсудимых. При этом он должен учитывать их юридическую неподготовленность к восприятию доказательств, неосведомленность в правовых, процессуальных, криминалистических вопросах, хорошо известных профессиональным юристам, и с учетом этого строить тактику участия в судебном следствии» [29, с. 173].

При выступлении в прениях, речь государственного обвинителя «должна быть профессиональна и в то же время понятна для восприятия непрофессионалов. В своем выступлении прокурор должен изложить все доказательства вины подсудимых и убедить присяжных заседателей в виновности подсудимых, для чего необходимо учитывать особенности рассматриваемого преступления, его восприятия и отношения к нему присяжных заседателей, уровень их образования, профессию, образ жизни и многие другие факторы, определяющие характер социальной психологии этой

группы граждан, уровень их правосознания, а следовательно, и отношение к преступлению и лицам, его совершившим» [29, с. 173].

3.2 Особенности прений сторон по делам о преступлениях несовершеннолетних

В результате проведённого анализа УПК РФ установлено, что в последнем отсутствует отдельное правовое регулирование прений сторон по делам о преступлениях несовершеннолетних. Вместе с тем, учитывая саму специфику дел о преступлениях, совершённых несовершеннолетним, а также несколько отличный состав участников (по делу должны принимать участие также законные представители несовершеннолетнего, кроме того, при допросе несовершеннолетнего в судебном заседании может присутствовать педагог или психолог), необходимо также говорить и о специфике речей сторон по делу в судебных прениях.

Прения сторон представляют собой самостоятельную часть судебного разбирательства по уголовному делу, в которой участники прений излагают свои итоговые мнения об обстоятельствах дела и предстоящих разрешению вопросах на основе доказательств, проверенных в ходе судебного следствия. Участники прения сторон отстаивают правильность своей позиции перед судом, используют выступление для защиты, соответственно, государственных или личных интересов.

Прения сторон начинаются с обвинительной речи прокурора.

Приговор может быть постановлен лишь на материалах судебного следствия. Особенности групповых многоэпизодных уголовных дел в отношении несовершеннолетних налагают свой отпечаток как на деятельность прокурора по поддержанию государственного обвинения по делу в целом, так и на содержание и структуру его обвинительной речи. Основу содержания обвинительной речи прокурора составляют ответы на вопросы, которые предстоит решить суду при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ).

Вместе с тем они составляют лишь стержень обвинительной речи прокурора. Любое уголовное дело, а тем более групповое, многоэпизодное, о преступлениях несовершеннолетних, всегда имеет общественно-политическое и морально-этическое значение. Обвинительная речь прокурора не только процессуальное средство изобличения подсудимого, но и серьезное средство предупреждения совершения преступлений другими лицами. В связи с этим композиционная структура обвинительной речи прокурора должна иметь составной частью общественно-политическую характеристику дела, характеристику личности подсудимых, анализ условий, способствовавших совершению преступлений, и предложения по их устранению [15, с. 128].

По вопросу о методике подготовки судебной речи в юридической литературе и в практике нет единого мнения: одни авторы полагают необходимым, чтобы текст речи был написан полностью от начала до конца, другие - лишь ее отдельные фрагменты. По мнению третьих, писать речь вообще не следует, а необходимо, тщательно изучив материалы дела, произносить ее экспромтом. Применительно к групповым многоэпизодным уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних ни один из предлагаемых вариантов в чистом виде, на наш взгляд, неприемлем. Полностью написанная речь, в принципе, допустима, но текст ее будет крайне громоздким, составление потребует значительного времени, а чтение речи снизит эмоциональный эффект. Фрагментарный подход может вызвать затруднения в ориентации по эпизодам преступной деятельности и лицам.

Речь прокурора по групповому делу в отношении несовершеннолетних должна быть убедительной, аргументированной, выдержанной, имеющей свою четкую логическую структуру. Один из основополагающих принципов сформулирован А.Ф. Кони: «...сила обвинения в доводах, а не в эпитетах» [25, с. 129].

Для обвинительной речи по групповому многоэпизодному делу в отношении несовершеннолетних крайне важны не только содержание, но и форма. «Обвинительная речь должна быть ясной и точной, простой и

выразительной, полной и лаконичной, грамотной и эмоциональной, композиционно стройной» [20, с. 39]. Достигается это не только хорошим знанием предмета речи, но и использованием всего арсенала языковых средств.

Далее рассмотрим особенности защитительной речи по делам о преступлениях несовершеннолетних.

Защитительная речь - публичное выступление адвоката, являющееся самостоятельным и важным средством защиты, используя которое защитник подвергает тщательному анализу фактические обстоятельства дела, характеризует личность подзащитного и формулирует выводы по уголовному делу.

В юридической литературе с достаточной полнотой исследовался вопрос о структуре и содержании защитительной речи. Касаясь требований к ее форме, следует особо подчеркнуть необходимость наличия четкости, логической стройности, последовательности, обоснованности и выразительности. В речи защитника недопустимо пустословие, высокопарность, кокетничанье словами, пустое фразерство. Для защитительной речи не менее важны простота и понятность выражений, базирующиеся на конкретности, четкости формулируемых положений [15, с. 130].

По групповым многоэпизодным делам в отношении несовершеннолетних практическое значение имеет вопрос об очередности выступлений адвокатов, осуществляющих защиту подсудимых. Принципиальное значение этот вопрос приобретает при наличии существенных противоречий в позициях подсудимых. Нормативного регулирования в действующем законодательстве по этому вопросу нет. При решении вопроса об очередности выступления адвокатов, по нашему мнению, в основу должен быть положен принцип максимально возможного обеспечения права подсудимого на защиту. Это означает, что последовательность выступлений в прениях сторон защитников при наличии

противоречий между позициями подсудимых необходимо определять исходя из того, что первыми должны выступать защитники тех подсудимых, которые избличают в совершении преступлений других подсудимых. В отдельных случаях при рассмотрении групповых многоэпизодных дел адвокаты в непроцессуальном порядке определяют последовательность их выступления в прениях сторон и обращаются к судье с предложением предоставлять право для выступления в определенном ими порядке [15, с. 131].

Суды в отсутствие нормативного регулирования очередности выступления адвокатов-защитников часто некритически относятся к просьбам адвокатов-защитников и тем самым ущемляют интересы отдельных подсудимых. В связи с изложенным представляется целесообразным дополнить ч. 3 ст. 292 УПК РФ указанием на то, что преимущественным правом выступить первыми пользуются адвокаты-защитники тех подсудимых, которые избличают в совершении преступлений других подсудимых.

В речах адвокатов-защитников следует проследить полноту выполняемой ими функции защиты, а также не допустить возможности осуществления защиты одного подсудимого за счет ухудшения положения другого. Это особенно необходимо учитывать при постановлении приговора для полной реализации принципа обеспечения права обвиняемого на защиту. Принципиальные моменты и выводы в речах адвокатов-защитников суд фиксирует в рабочих досье и таблицах.

Будучи самостоятельной частью судебного разбирательства, прения сторон включают основную речь и реплики их участников по поводу сказанного в речах. С репликами может выступать любой участник судебного разбирательства со стороны обвинения и стороны защиты. Применительно к уголовным делам о групповых и многоэпизодных преступлениях право на реплику имеет, на наш взгляд, некоторые особенности [15, с. 131].

Сущность прений заключается в том, что суд выносит приговор по своему внутреннему убеждению, но в силу принципа состязательности сторон основывает его на аргументации сторонами, на доказательствах и тех доводах,

которые приводят стороны в ходе судебного следствия и прений сторон. Прения сторон должны быть результативными, поскольку от них зависит и эффективность, воспитательное содержание приговора суда. Судебные прения выполняют прогностическую роль для приговора суда. В этой связи судебные прения должны быть обусловлены точным применением норм материального и процессуального закона, познаниями логики и психологии воздействия на внутреннее убеждение суда, присутствующих в зале судебного заседания. В нашем случае особое значение мы придаем не только внутреннему убеждению судьи, но и осознанию неправомерности своих поступков несовершеннолетним подсудимым [32, с. 7].

Однако хотелось бы заметить, что воспитательный эффект речи зависит от грамотного исследования доказательств защитником, поскольку речь защитника — это не просто зачитывание моральных аспектов поступка несовершеннолетнего, а результат оценки доказательств.

В процессе исследования и проверки доказательств защитник формирует свое умозаключение по уголовному делу. Данный процесс основывается на том, что защитник сопоставляет весь поток информации, который был исследован в рамках судебного следствия по уголовному делу. Проведя такое исследование, защитник проверяет информацию на предмет относимости, допустимости, достаточности и достоверности. В случае, если обвинение основано только на косвенных доказательствах, обязательно учитывается их взаимосвязь. При подготовке к прениям сторон защитник оценивает доказательства и учитывает, какими из них целесообразнее аргументировать свою позицию по уголовному делу [10, с. 91]

Фактически, оценивая доказательства, защитник подводит итог всей проведенной работе при расследовании уголовного дела на стадиях предварительного расследования, а в максимальной степени - при рассмотрении уголовного дела по первой инстанции, в большей степени подводится итог такой стадии судебного разбирательства, как судебное следствие.

В рамках судебного разбирательства речь защитника именуется защитительной. Смысл ее заключается в том, чтобы представить наиболее благоприятное впечатление о подсудимом перед судом. Однако значение прений сторон по уголовным делам несовершеннолетних заключается не только в том, чтобы повлиять на внутреннее убеждение суда в свете смягчающих обстоятельств, но и доказать суду, что несовершеннолетний подсудимый сделал выводы по факту совершенного деяния. Защитительная речь должна быть ориентирована не только на то, чтобы убеждать именно суд в своей правоте, а и на то, чтобы на уровне сознания несовершеннолетнего формировался правильный образ правопослушного поведения. Цель защитительной речи состоит и в том, чтобы несовершеннолетний сделал переоценку своих интересов, мотивов поведения. Защитительная речь, содержащая воспитательный компонент, направлена на предупреждение дальнейшей преступной деятельности несовершеннолетнего [10, с. 92].

Прения сторон представляют по сути спор противоборствующих сторон, но при условии активной роли их участников.

Именно в судебных прениях актуальна аргументирующая позиция участников. Доказательства по уголовному делу представляются в качестве аргументов. Доказанность или недоказанность предъявленного обвинения представляется защитником в аспекте оказания наиболее сильного влияния на убежденность судьи.

Для судьи, в свою очередь, важен вопрос не столько о наказании подсудимого, сколько о возможности его перевоспитания. В этой связи содержательный компонент защитительной речи заключается в воздействии на нравственную сферу личности несовершеннолетнего подсудимого.

При анализе ст. 295 УПК РФ мы не увидим в ней требований к структуре речи как защитника, так и обвинителя.

Можно полагать, что закон практически не регламентирует содержание судебных прений.

Однако в законе достаточно конкретно закреплено, что нельзя ссылаться в речах на те доказательства, которые не исследовались в процессе судебного следствия, об этом написано в ч. 4 ст. 295 УПК РФ, и ч. 5 данной статьи УПК РФ дает право председательствующему остановить выступающего участника, если по смыслу в речи излагается материал, который не отвечает требованиям относимости доказательств по сути самого уголовного дела.

В остальных моментах защитник имеет право подойти к вопросу содержания речи творчески, что порою зависит от его опыта работы, интеллектуальных и тактических способностей, присущих психологу.

Содержательная часть речи защитника определяется занятой позицией по уголовному делу.

Обязательным условием является то, что защитник в заключение своей речи должен высказать свои выводы о степени доказанности или недоказанности деяния, причастности и виновности подсудимого, правильности квалификации деяния и возможной мере воздействия на несовершеннолетнего подсудимого посредством наказания.

Разумеется, мы поддерживаем современных ученых в том, что защитительная речь - публичное выступление адвоката, являющееся самостоятельным и важным средством защиты, используя которое, защитник подвергает тщательному анализу фактические обстоятельства уголовного дела, характеризует личность подзащитного несовершеннолетнего и формулирует выводы по уголовному делу [15, с. 129], но УПК РФ, к сожалению, никак не закрепляет структуру защитительной речи.

По итогам рассмотрения вопросов данной главы сделан вывод о том, что выступление сторон в судебном процессе с участием присяжных заседателей обладает существенной спецификой.

Если в случае со стандартным судебным процессом от противоборствующих сторон требуется убедить судью в правильности собственной позиции (обвинения, защиты, позиции других участников процесса), то в случае с участием присяжных заседателей, возникает

необходимость воздействия на последних, поскольку только от них зависит судьба данного процесса.

В связи с тем, что присяжные заседатели не являются профессиональными юристами, закон устанавливает довольно строгие правила относительно предмета судебных речей выступающих сторон, последние не должны осуществлять попытки воздействия на сознания и убеждения присяжных заседателей используя неисследованные доказательства или доказательства ранее признанные судом недопустимыми.

Существует и специфика выступлений сторон в судебном процессе по делам о преступлениях совершенных несовершеннолетними.

И государственный обвинитель и защитник в своих речах должны обращать отдельное внимание на возможность исправления несовершеннолетнего.

Заключение

В результате проведённого исследования, достигнута его цель и решены поставленные задачи, в результате чего сделаны следующие выводы и предложения.

Установлено, что с момента начала нового современного периода развития России, вопрос о значимости судебной речи актуализировался повторно. Видимое отсутствие должного количества научных трудов и сборников на эту тематику не должно вводить в заблуждения относительно якобы отсутствия какого-либо развития судебной риторики как таковой. Рассмотренный советский (как и дореволюционный) период придал новый импульс развитию судебной риторики, обогатив отечественную школу выдающихся судебных ораторов как представителями государственного обвинения, так и адвокатского сообщества. Возможное падение общего культурного уровня судебных речей в 20-е и 30-е годы в последующем было компенсировано возросшим небывалым уровнем общей грамотности и культурности населения, что также оказало влияние и на судебный процесс, его языковое наполнение.

Среди основных черт судебной риторики советского периода, следует указать логичность, ссылку на фактические данные и правильную интерпретацию доказательств. Различные синтаксические приёмы и художественные образцы также оставались частью судебных речей, но уже в меньшей степени. Главная задача судебного оратора в таком случае заключалась не в перенасыщении речи художественными образами, а в грамотном расставлении акцентов и усилении собственных аргументов, в сохранении логичности и последовательности изложения, установлении последовательной взаимосвязи между фактическими обстоятельствами дела и позицией оратора.

В результате рассмотрения различных взглядов и подходов к определению судебной речи, сделан вывод о том, что судебная речь

представляет собой публичную речь основным адресатом которой выступает суд и другие участники процесса и которая произносится в целях убеждения последних в истинности (правильности, обоснованности) позиции по тому или иному вопросу, разрешаемому в ходе судебного разбирательства.

Установлено, что правовое регулирование судебных прений и судебных речей в целом, в УПК РФ фрагментарно. Положений ст. 292 УПК РФ недостаточно для того, чтобы разрешить весь объём возникающих вопросов. В частности, отсутствует нормативное определение выступления стороны по делу в прениях, отсутствует указание на предмет такого выступления. Системное толкование ряда норм УПК РФ позволяет предположить, что обстоятельства, на которые указывается в речах сторон должны иметь значение для рассмотрения уголовного дела, в выступлениях допускается ссылка на исследованные и не признанные допустимыми доказательства, ссылка на новые обстоятельства дела, а также заявление о необходимости предоставления суду новых, ранее не исследованных доказательств.

Установлено, что в действующем правовом регулировании УПК РФ имеется пробел в части того, каким образом разрешаются возможные противоречия (различные позиции) в речах защитника и подсудимого. Представляется, что позиция защитника, которую он будет отстаивать в защитительной речи в прениях, безусловно, должна быть согласована с его подзащитным. При этом, сам подзащитный никаким образом не связан содержанием речи его защитника, даже если они предварительно согласовали именно такую позицию. Это означает, что в случае, если подзащитный посчитает необходимым, например, в своё последнее слово, он может высказать иную позицию. В таком случае, суд должен принять позицию именно подзащитного.

Вместе с тем, обозначенные вопросы никаким образом не урегулированы законодательно, в связи с чем, предлагается внести ряд дополнений в действующее уголовно-процессуальное законодательство. А именно, дополнить ст. 292 УПК РФ ч. 4.1 следующего содержания:

«4.1 Позиция стороны защиты, высказываемая в судебных прениях защитником должна быть согласована с подсудимым. В случае противоречия позиции стороны защиты высказанной в прениях позиции подсудимого, судом в качестве позиции стороны защиты принимается позиция подсудимого».

Также, сделан вывод о том, что в целях надлежащей реализации права подсудимого на участие в прениях и на последнее слово подсудимого в части предоставления возможности аргументированного выступления, в случае, если предварительно к подсудимому применялись меры обеспечения уголовного судопроизводства в виде удаления из зала судебного заседания, возникает необходимость предоставления такому подсудимому права на консультацию со своим защитником. В этих целях, необходимо внести следующие законодательные изменения:

«Статья 292. Содержание и порядок прений сторон.

1. Прения сторон состоят из речей обвинителя и защитника. При отсутствии защитника в прениях сторон участвует подсудимый. В случае применения в отношении подсудимого решения председательствующего в судебном заседании об удалении из зала заседания до начала прений сторон, по возвращению в зал судебного заседания подсудимому предоставляется возможность консультации со своим защитником для подготовки к выступлению в прениях».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александров А.А. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. 156 с.
2. Алексеев Н.С, Макарова З.В. Ораторское искусство в суде - Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 175 с.
3. Андриянова О.Ю. Специфика юридической аргументации в процессе судопроизводства с участием присяжных заседателей // Юридическая техника. 2013. № 7-1. С. 65-66.
4. Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика. М., 2002. 298 с.
5. Адвокатура в России: учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Сергеева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2019. 548 с.
6. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.12.2019 г. N 16-АПУ19-18СП // ИПК Гарант.
7. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.06.2013 г. № 41-АПУ13-13СП // ИПК Гарант.
8. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора А.Ф. Кони : авто-реф. дис. ... д-ра филол. наук. - Уфа, 2007. 46 с.
9. Бозров В.М., Ергашев Е.Р. О культуре процессуальной деятельности суда и прокурора при рассмотрении уголовного дела по существу // Вестник университете прокуратуры РФ. 2019. № 3 (71). С. 10-18.
10. Брянская Е.В., Шишкина Н.Э. Воспитательное значение речи защитника в прениях сторон по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. 2018. № 2. С. 90-96.
11. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов: учеб. пособие. 7-е изд. Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. 568 с.
12. Виноградова Т.Ю., Якушин С.Ю. Основы моделирования публичной речи в суде. Казань, 1993. 174 с.

13. Владимиров Л.Е. Русский судебный оратор А.Ф. Кони // Защитительные речи и публичные лекции. М., 1892. 512 с.
14. Володина С.В. Справедливость не может быть косноязычной. К вопросу о возрождении судебной риторики в России // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 88-92.
15. Гареева Э.Р. Прения сторон в судебном разбирательстве дел о групповом преступлении несовершеннолетних // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. № 4. С. 128-131.
16. Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. - М., 1972. С. 7-73.
17. Герасимова С.И. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей : [Науч.-практ. пособие] / Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре Рос. Федерации ; [Гаврилов В.В. и др.] ; Под ред. С.И. Герасимова. - М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2002. 419 с.
18. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. Казань, 1995. 354 с.
19. Губаева Т.В. Прагматика речевого общения в правовой сфере // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь, 1990. 88 с.
20. Зинатуллин З.З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск, 1989. 87 с.
21. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). Учебное пособие 2-е издание. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 560 с.
22. Каверин Б.И., Демидов И.В. Ораторское искусство. М., 2004. 122 с.
23. Кисленко С.Л. Криминалистические основы участия государственного обвинителя в прениях сторон по уголовным делам // Вестник ННГУ, 2019. № 2. С. 84-89.
24. Кречетова Л.В. Защитник в уголовном процессе. Оренбург, 2000. 485 с.

25. Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. / [Под общ. ред. В.Г. Базанова и др.] ; [Вступ. статья С. Волка, М. Выдри и А. Муратова, с. 5-36]. – М. : Юрид. лит., 1966-1969. Т. 4. 530 с.

26. Коренная О.Б. Логико-этические аспекты использования НЛП в процессе судебного заседания с участием присяжных заседателей // Вестник Амурского государственного университета. - 2015. - № 68. С. 31-37.

27. Крыленко Н.В. Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937. 610 с.

28. Лазарева В.А., Шестакова Л.А. Судебная речь по уголовному делу: учеб. пособие. Самара : изд-во Самарского университета, 2018. 336 с.

29. Лунёва Е.А. Роль государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1. С. 173-178.

30. Максимова Т.Ю. Вступительное заявление защитника в суде с участием присяжных заседателей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014. № 1. С. 60-67.

31. Мингалимова М.Ф. Учет мнения потерпевшего при назначении наказания // Вестник казанского юридического института МВД России. 2018. № 2 (32). 279-283.

32. Морщакова Т.Г., Петрухин И.Л. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / отв. ред. О.П. Темушкин. - М. : Наука, 1987. 78 с.

33. Новичихина М.Е. О некоторых особенностях судебной речи // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы: мат-лы 5-й междунар. науч. конф. по риторике. Воронеж, 2001. С. 50-54.

34. Определение СК по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2021 г. по делу № 7У-13789/2021 // ИПК Гарант.

35. Потапова Л.А. Защитительная речь адвоката в отечественном уголовном процессе : автореферат дис. ... кандидата юридических наук :

12.00.09 / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006. 21 с.

36. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25.12.2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // ИПК Гарант.

37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/?ysclid=17gb4ul187823622918 (дата обращения: 30.08.2022)

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

40. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2022 г. по делу № 7У-1177/2022 // ИПК Гарант.

41. Рарог А. Защита в советском уголовном судопроизводстве // Советская юстиция. 1992. № 21-22. С. 18-20.

42. Резниченко И.М. Основы судебной речи. Владивосток, 1976. 87 с.

43. Смирнов П.С., Милова И.Е. Подготовка и участие государственного обвинителя в судебном процессе, структура его обвинительной речи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-4. С. 134-136.

44. Серова Е.Б., Спасов М.А. Некоторые особенности выступления государственного обвинителя в прениях сторон по вопросу о виновности подсудимого в суде с участием присяжных заседателей // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 3. С. 47-57.

45. Треушников М. К. Судебные доказательства : монография. М. : Городец, 1997. 320 с.
46. Уголовный процесс: учебник для вузов / Л.К. Айвар, Н.Н. Ахтырская, Э.И. Бордиловский и др.; под ред. В.И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. - М. : Юстицинформ, 2006. 784 с.
47. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. (часть I). Ст. 4921.
48. Федяков Н.Н. Особенности участия группы прокуроров в прениях сторон // Российский судья. 2018. № 11. С. 24-27.
49. Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4252.
50. Хорькова В.И. Приемы античной судебной риторики в практике суда присяжных // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 2. С. 231-241.
51. Швец С.В. Общие положения судебной речи и юридической риторики // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 11. С. 147-151.
52. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. М. : Зерцало, 2006. 352 с.
53. Evans, K. Advocacy in Court: a Beginner's Guide. London: Oxford University Press, 1995. 206 p.